

Часть седьмая

О ТВОРЦАХ И ОРГАНИЗАТОРАХ ПОБЕДЫ

Завершилась величайшая и кровопролитнейшая в мировой истории военная страда. Великая победа в ней была добыта беспримерным подвигом, монолитным единством советского народа, вставшего непреодолимой силой на отпор врагу, изумившего человечество своей стойкостью, мужеством, массовым героизмом, самоотверженностью.

Отмобилизованной, вооруженной до зубов фашистской орде и ее сателлитам, набившим руку на разгроме армий ряда европейских государств, пришлось впервые столкнуться и вести войну не с армией, а со всем советским народом, слившим воедино фронт и тыл, где солдат, рабочий и колхозник, воин и пахарь, сталевар и инженер, учитель и школьник, рядовой и командир, генерал и главнокомандующий, каждый на своем месте были едины в своем духовном и физическом устремлении – биться до последнего вздоха за себя, за свою семью, за свою страну, Мать-Родину.

Каждый был воином на своем месте, делал свое дело ответственно, во имя великой общей цели. И мы, нынешние поколения, преклоняем колени великим тем годам:

*Тем славным командирам и бойцам,
И маршалам страны и рядовым.
Поклонимся и мертвым и живым –
Всем тем, которых забывать нельзя,
Поклонимся, поклонимся, друзья,
Всем миром, всем народом, всей землей
Поклонимся за тот великий бой!*

Великая победа над гитлеризмом занимает исключительное место в Российской тысячелетней истории, которой нет равных в мире. Этот подвиг должен быть духовной опорой многим поколениям россиян, вселять уверенность в свои силы на самых крутых поворотах народной судьбы. Неслучайно усилия врагов нашего Отечества, внешних и внутренних, направлены на разрушение этой нравственной опоры народа, на то, чтобы дегероизировать, принизить подвиг наших отцов и дедов, рядовых солдат, командиров и маршалов, тружеников тыла в этой Великой Победе.

Ход к развенчанию Великой Победы в Отечественной войне был найден коварный. Началось с того, чтобы превратить образ Верховного Главнокомандующего и главу Правительства СССР военной поры Иосифа Виссарионовича Сталина в тирана, гнавшего народ на борьбу с врагом, подобно стаду баранов, а раз так, то какой уж тут может быть героизм, какая любовь к Родине, какая духовная сила бойца? Советский строй сделали мировым пугалом. И в этом немало преуспели доморощенные карьеристы, жаждущие славы, но обделенные талантом вождей.

Сегодня мы это видим и ощущаем на себе. Пришло отрезвление, и время глубоко и честно проанализировать историю прожитого столетия, оценить по достоинству триумфы и трагедии на этом пути. И, слава Богу, есть люди, ведущие научный поиск истины и справедливости в этом направлении.

Предлагаю читателям главу из книги ветеранов Великой Отечественной войны Бориса Соловьева и Владимира Суходеева “Полководец Сталин”, выпущенную издательством “Алгоритм” в 1999 году. Она дает аргументированную информацию для глубоких размышлений над судьбой Отечества и собственной судьбой. Сделать выводы читателю предстоит самому.

Уверен, как бы ни изошрялась и нынешняя “демократическая” пропаганда, ни поносила былые времена нашей Родины, Победа советского народа над фашистской чумой навсегда останется одной из ярчайших страниц в Отечественной и мировой истории. И никаким голосам и подголоскам “свободного” разглагольствования и предательства великую правду о всенародном подвиге и его Маршалах не затенить. В этом я убедился при сотнях встреч с живыми творцами Российской военной истории, рядовыми бойцами Отечественной войны. Они задают мне, генералу, все чаще и чаще вопрос: кто разбазарил итоги добытой ими Победы. Почему к блоку НАТО отошли земли и страны, где остались навечно в могилах их боевые товарищи. Вот почему я прошу читателей внимательным образом прочитать нижеследующую главу.

ПОЛКОВОДЕЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТАЛИНА

Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) и Председатель Совета Народных Комиссаров СССР Иосиф Виссарионович Сталин уже на второй день войны, 23 июня 1941 года, фактически возглавил Ставку Главного Командования. С 30 июня был назначен Председателем Государственного Комитета Обороны, с 10 июля возглавил Ставку Верховного Командования (затем – Ставку Верховного

Главного Командования), с 19 июля утвержден народным комиссаром обороны СССР и с 8 августа 1941 года стал Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Советского Союза. Народ и армия единодушно называли Иосифа Виссарионовича Сталина полководцем Отечественной войны. Победоносный исход Великой Отечественной войны 1941-1945 годов показал, что Сталин справился со всеми возложенными на него обязанностями в ходе тяжелейшей из войн в истории нашего Отечества. Без этого невозможно было рассчитывать на победу над немецким фашизмом и японским милитаризмом.

Однако после смерти Сталина получили хождение сомнения в его полководческом искусстве, а то и просто обвинения в неумении вести войну, в неоправданной гибели солдат и мирного населения, в сдаче огромных территорий врагу, в “провале” наступательных операций Красной Армии и других неудачах. Так, уже в докладе “О культе личности и его последствиях” на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 года Первый секретарь ЦК партии Никита Сергеевич Хрущев утверждал, что “Сталин был очень далек от понимания той реальной обстановки, которая складывалась на фронтах”, не знал “природы ведения боевых операций”.

Эта неправдивая, предубежденная версия затем была подхвачена другими необъективными авторами. Так, Дмитрий Волкогонов в двухтомнике “Триумф и трагедия. Политический портрет Сталина” писал: “...Сталин при наличии сильной воли и негибкого ума не мог опереться на профессиональные военные знания. Он не знал военной науки, теории военного искусства”. “Верховный не обладал опытом организации стратегической обороны”, “думаю, в полном смысле слова Сталин не был полководцем” и т. д. (Д. Волкогонов “Триумф и трагедия”, М., 1990, Кн. 2, с. 268, 292, 347).

Можно называть и других авторов и другие книги и статьи, но суть будет одна: любым способом дискредитировать Сталина как полководца Великой Отечественной войны, как политического и государственного деятеля Советского Союза.

Здесь уместно напомнить, как рассматривал понятие “полководец” выдающийся военачальник Отечественной войны маршал Александр Михайлович Василевский. В послесловии к книге “Дело всей жизни” он писал: “Полагаю, что точка зрения нашей исторической литературы, согласно которой понятие “полководец” связывается с военачальниками оперативно-стратегического уровня, правильна. Верно и то, что к категориям полководцев следует относить тех военачальников, которые наиболее ярко проявили на полях сражений свое военное искусство и талант, мужество и волю к победе... Решающим мерилом успешной полководческой деятельности в годы войны, конечно, является искусство выполнять задачи фронтовых и армейских операций, наносить противнику серьезные поражения” (А. Василевский “Дело всей жизни” М., 1973, с. 527, 529).

Сталин
Иосиф Виссарионович

Масштабы полководческой деятельности Сталина в годы Великой Отечественной войны Советского Союза против Германии далеко выходили за рамки, очерченные маршалом Василевским. Сталин осуществлял руководство всеми Вооруженными Силами страны, каждодневно направлял и координировал боевые действия всех фронтовых и армейских объединений действующей армии. Его деятельность пронизывала все важнейшие стороны величайшей из войн: охватывала, помимо собственно военных вопросов, все сферы внутренней и внешней политики Советского государства, от военной экономики и идеологии до дипломатии.

Выше было рассмотрено, какие задачи приходилось решать Сталину в годы Великой Отечественной войны, объем его деятельности и как он работал. Остановимся теперь на вопросе – имел ли Сталин необходимые данные для того, чтобы занимать уже в самом начале Отечественной войны в условиях острейшего кризиса на фронте высокие посты Председателя Государственного Комитета Обороны, наркома обороны СССР, Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Советского Союза, руководителя Ставки Верховного Главнокомандования.

И еще на одной стороне проблемы – на некоторых характерных чертах деятельности Сталина как Верховного Главнокомандующего, как полководца Великой Отечественной войны. Как известно, в неизмеримо более благоприятных для России условиях первой мировой войны Николай II возложил на себя обязанности Верховного командующего. Известно также и чем это кончилось.

Оценивая деятельность Сталина как полководца, необходимо отметить, что с первых же часов Великой Отечественной войны советского народа ему пришлось решать сложнейшие, внезапно возникшие проблемы ведения вооруженной борьбы. На начальном этапе войны на фронте сложилась катастрофическая

*Жуков Георгий
Константинович*

обстановка, которая не предвиделась советским политическим и военным руководством и находилась в вопиющем противоречии со взглядами и расчетами довоенного времени.

Приведем в подтверждение заключение маршала Жукова. “Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не предполагался, – писал он в своих воспоминаниях. – Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Шапошников, Мерецков и руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушитель-

ных рассекающих ударов”. (Г. Жуков “Воспоминания и размышления” М., 1990, Т. 2, с. 29-30).

Ситуация на фронте буквально взорвала самые основы военной доктрины, разработанной в предвоенные годы, на которую опиралось в своих расчетах советское политическое и военное руководство. Предполагалось, что мы ответим двойным ударом на удар врага и будем вести войну на его территории. Это лежало в основе патриотического воспитания масс. Стратегическая оборона, а тем более отступление в глубь страны, не предусматривались и не готовились.

Создавшаяся на фронте реальная обстановка требовала немедленного коренного пересмотра прежних планов, самих взглядов на способы ведения войны, вооруженной борьбы. Необходимо было решительно отказаться от считавшихся неизблемыми догм, найти новые, нестандартные решения. И все это требовалось совершить в условиях стремительного наступления противника, отчаянной нехватки времени. События развивались смертельно опасно.

От советского политического руководства и военного командования требовались быстрота ориентировки в стремительно развивавшихся событиях, своевременное принятие кардинальных решений, соответствующих сложившемуся положению на фронте, максимально энергичное, умелое и решительное осуществление выработанных мер на практике. Промедление привело бы к разгрому армии, гибели страны.

Первой реакцией советского руководства и военного командования на вторжение врага было стремление действовать по ранее разработанным планам. Это обуславливалось отсутствием реальных сведений о том, что происходило на фронте. В Москву поступали сведения, зачастую не соответствующие действительному положению дел, а то и приукрашивающие обстановку. Следствием этого явилась Директива, № 2 Главного Военного Совета, отданная в 7 часов 15 минут 22 июня и требовавшая:

“Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили границу” (ЦАМО, ф. 318. оп. 4631, д. 1, л. 1).

Общая обстановка первоначально рассматривалась как относительно сносная. В 21 час 15 минут того же дня Главным Военным Советом за подписью Тимошенко, Маленкова и Жукова фронтам была отдана Директива № 3, которая ставила задачу нанести по вторгшемуся врагу мощные контрудары, перейти в контрнаступление и захватить стратегическую инициативу.

Предпринятые попытки нанести контрудары лишь кое-где привели к успеху, но в целом не могли переломить обстановку. Условия, в которых Красная Армия вступила в войну, оказались настолько сложными, а последствия первых массированных ударов врага настолько тяжелыми, что даже невиданный героизм советских воинов не в состоянии был изменить развитие событий на фронте.

Хотя и с определенным запозданием, последовали новые радикальные решения советского руководства и военного командования. На исходе третьих суток войны, в ночь с 24 на 25 июня, Сталин приказал Тимошенко немедленно направить командующему Западным фронтом директиву об отводе войск на рубеж Лида, Слоним, Пинск. Учитывая, что в ближайшее время вырвать инициативу из рук врага не удастся, Советское Главное Командование в конце июня приняло решение о переходе на всем советско-германском фронте к стратегической обороне, на пути про-

тивника создавалась глубоко эшелонированная оборона. Упорным сопротивлением подрывалась наступательная мощь врага.

Потребность в считанные дни и даже часы отрешиться от довоенных представлений, от разработанных прежде планов вооруженной борьбы, найти новые способы противодействия стремительно развивавшемуся наступлению врага была сложнейшей задачей, вставшей перед советским военным командованием, прежде всего в его высшем звене. Поиски этих новых решений давались трудно, шли неравномерно как в высших командных инстанциях, так и на различных участках фронта. Так, в середине дня 27 июня 1941 года в переговорах с командующим Западным фронтом Павловым начальник Генерального штаба Жуков говорил: «Имейте в виду, что первый механизированный эшелон противника очень далеко оторвался от своей пехоты, В этом сейчас слабость, как оторвавшегося первого эшелона, так и самой пехоты, двигающейся без танков. Если только подчиненные вам командиры смогут взять в руки части, особенно танковые, то можно было бы нанести уничтожающий удар как по тылу для разгрома первого эшелона, так и для разгрома пехоты, двигающейся без танков. Если удастся, организуйте сначала мощный удар по тылу первого эшелона противника, двигающегося на Минск и Бобруйск, после чего можно с успехом повернуться против пехоты. Такое смелое действие принесло бы славу войскам Западного округа» (ЦАМО, ф. 8, оп. 930688, д. 63, л. 205-206).

Происходил глубокий поворот в осмыслении обстановки, сложившейся на фронте, И в целом он шел в правильном направлении. Переход к стратегической обороне был неизбежным, Меры к этому принимались. В решении этих коренных вопросов ведения войны на ее тяжелом начальном этапе выдающаяся роль принадлежала Сталину.

Есть все основания утверждать, что в начале войны, в 1941 году, Сталин имел все необходимые данные для того, чтобы занять ответственные посты Председателя ГКО, наркома обороны, Верховного Главнокомандующего, руководителя Ставки Верховного Главнокомандования, одного из организаторов антигитлеровской коалиции.

Сталин был не просто широко образованным человеком, творческим марксистом, но со знанием дела разбирался в принципиальных военных вопросах, в актуальных проблемах военной теории и науки. Он серьезно изучал труды крупнейшего буржуазного военного теоретика Карла Клаузевица, а именно его главное сочинение «О войне», книгу «1812 год» и другие работы. Он знал произведения Суворова и Наполеона, труды Драгомирова и Мольтке, работы по военному искусству Энгельса и Меринга, а также многих других военных авторов. Сталин изучал работы современных ему историков и теоретиков военного дела, прежде всего Евгения Викторовича Тарле и Бориса Михайловича Шапошникова. И этот перечень можно продолжить. Ему были даже известны работы ряда начальников военных кафедр военных академий, например, «История военного искусства с древнейших времен до первой империалистической войны 1914-1918 гг.» полковника Е. Разина. Все это свидетельствует о постоянном интересе Сталина к вопросам истории войн и теории военного искусства.

Помощник и консультант Сталина по военным вопросам генерал П. А. Ермолин

отмечает: **“Как военного специалиста меня поражало в Сталине то, что он, формально штатский человек, гениально (я не боюсь этого слова, оно наиболее точно характеризует Сталина) разбирался в военных вопросах. Знания Сталина и в области экономики, и в области стратегии и тактики были глубоки и обширны, поражали присутствовавших исключительной четкостью постановки и объяснения обсуждаемых задач”** (*“Гласность”*, 15.03.1999 г.).

Большое влияние на принципы строительства Вооруженных Сил страны оказало известное положение, сформулированное Сталиным также еще в предвоенные годы:

“Формы организации армий, роды и виды войск приспособляются обычно к формам и способам ведения войны” (*И. Сталин, Соч. т. 5, с. 169*).

Важное значение для развития советской военной науки имела и другая его мысль, вскрывавшая органическую связь вопросов военного искусства с экономическими и морально-политическими возможностями страны: **“Способы ведения войны, формы войны не всегда одинаковы. Они меняются в зависимости от развития производства... Искусство ведения войны в современных условиях состоит в том, чтобы, овладев всеми формами войны и всеми достижениями науки в этой области, разумно их использовать, умело сочетать их или своевременно применять ту или иную из этих форм в зависимости от обстановки”** (*И. Сталин, Соч., т. 5, с. 168-169*).

Такая установка позволила избежать нам ущербных крайностей немецкой военной теории, односторонне делавшей ставку в готовившейся войне на **“блицкриг”**. По существу, программный характер имело напоминание Сталина, сделанное еще в 1937 году: **“Если мы с вами заглянем в историю, то увидим, какую важную роль во всех войнах играла артиллерия... Чем побеждал Наполеон? Прежде всего артиллерией. Чем в 1870 году под Седаном были разгромлены французы? По преимуществу артиллерией. Для успеха войны исключительно ценным родом войск является артиллерия. Я хотел бы, чтобы наша артиллерия показала, что она является первоклассной”** (*Д. Устинов, “Во имя Победы” М., 1988, с. 119*).

Уже к 1938 году осуществляется переход от смешанной системы к кадровой системе строительства Красной Армии. По инициативе Сталина было увеличено до двух третей количество кадровых дивизий. Возросла механизация и моторизация всех родов войск. В связи с этим Сталиным был провозглашен лозунг о выращивании людей, овладевших новой техникой. Прочную основу для воспитания кадров создавало введение персональных военных званий для командного и начальствующего состава Красной Армии. В дополнение к существовавшим Балтийскому и Черноморскому флотам были созданы Тихоокеанский и Северный флоты. Законом устанавливалась обязанность граждан нести военную службу в Вооруженных Силах СССР.

Сталин с огромным вниманием, с тщательностью, можно сказать, дотошностью вникал в конкретные проблемы вооружения армии, в оперативно-технические характеристики создаваемой боевой техники. Известный авиаконструктор Александр Сергеевич Яковлев пишет об одном из обсуждений, на котором рассматри-

*Яковлев
Александр Сергеевич*

вались вопросы создания новых истребителей.

Когда в боях в Испании обнаружилось, что новый немецкий истребитель “Мессершмитт”, да и бомбардировщик “Ю-88” превосходят по ряду показателей наши самолеты, это вызвало сильное беспокойство советского руководства. Господство в воздухе, как известно, определялось качеством и количеством истребителей. Были остро необходимы современные самолеты на поле боя, самолеты-штурмовики, взаимодействующие с войсками – пехотой, танками, артиллерией. В 1939 году были предприняты героические авральные меры по ликвидации отставания в военной авиации.

Вот запись Александра Сергеевича Яковлева совещания, которое проходило в 1939 году в Кремле: “Сталин спросил меня:

– Ну как, надумали делать истребитель с двигателем Климова?

– Да, я связался с Климовым и получил все данные о его двигателе. Мы детально проработали вопрос, и наше конструкторское бюро может выступить с предложением о постройке истребителя. Я назвал летные данные будущего истребителя: скорость, потолок и дальность полета.

– Как вы его вооружите? Пушка на нем будет стоять?

– А как же! На нашем истребителе будет стоять пушка калибра 20 миллиметров и два скорострельных пулемета,

– Это хорошо.,– ответил Сталин, в раздумье расхаживая по кабинету.– А знаете ли вы, – спросил он, – что мы такие же истребители заказываем и некоторым другим конструкторам и победителем станет тот, кто не только даст лучший по летным и боевым качествам истребитель, но и сделает его раньше, чтобы его можно было быстрее запустить в серийное производство?

– Я понимаю, товарищ Сталин.

– Понимать мало. Надо машину сделать быстрее.

– А какой срок?

– Чем скорее, тем лучше. К новому году сделаете?

– Я постройкой таких самолетов не занимался, опыта не имею... Но вот американцы делают новый истребитель за два года, так что...

– А вы разве американец? – перебил меня Сталин.– Покажите, на что способен молодой русский инженер... Вот тогда будете молодцом, и придется мне пригласить вас на чашку чая.

– Спасибо, раз надо – сделаем обязательно. Но разрешите задать один вопрос? Вот пригласили сюда десятка два конструкторов, и каждому дается задание. Разве стране нужно столько истребителей и бомбардировщиков? Разве возможно все их запустить в серийное производство?

– Мы и сами прекрасно знаем, – ответил Сталин, – что столько самолетов нам не нужно. Но ведь из всех самолетов, дай бог, получится пять-шесть таких, кото-

рые будут годны для серийного производства. А такое количество новых самолетов нас не смущает.

Так побеседовали со всеми приглашенными, Каждый получил задание. Мы разъехались по своим конструкторским бюро возбужденные, заряженные духом творческого соревнования, с твердым намерением победить своих “соперников”...

В конце декабря Сталин по телефону интересовался ходом работ и спрашивал меня, выполню ли я обещание – дать машину к 1 января. Через несколько дней мы отрапортовали о готовности самолета.

Из всех заказанных правительством истребителей наиболее успешно шли работы по самолетам “ЛаГГ”, “МиГ” и по нашему “Яку”. Микояна, Лавочкина и меня очень торопили. Нам оказывали любую помощь, о которой мы просили...

Выигрыш во времени был особенно дорог для нашей авиации: он позволил за 1939 – 1940 годы создать новые, вполне современные типы боевых самолетов и к 1941 году запустить их в серийное производство” (А. Яковлев “Цель жизни” М., 1967, с. 186-187, 189, 237).

Сталиным была правильно оценена огромная роль в современной войне массированного применения авиации, артиллерии, танков. Его напряженная деятельность по мобилизации всех сил государства, по созданию авиационной, артиллерийской, танковой промышленности сыграли выдающуюся роль в создании материального фундамента нашей победы в Отечественной войне.

Работа партии, Сталина по строительству Красной Армии, по созданию оборонной мощи Советской страны шла напряженно и во все возрастающих масштабах. В 1937 году Комиссия Оборона при СНК СССР была преобразована в Комитет Оборона при СНК СССР, в состав которого вошел Сталин. На следующий год был создан Главный Военный Совет РККА, членом которого стал Сталин, Неоспоримы его заслуги в организации разгрома японских агрессоров на Халхин-Голе. Сталину принадлежит крупная роль в укреплении северо-западных рубежей СССР, достигнутом в итоге завершения советско-финляндской войны 1939-1940 годов.

Обладая чувством нового, Сталин предвидел, что армия и страна, не учитывающие изменений, происходивших в военном деле, в развитии средств борьбы, в изменении характера боевых действий, обречены на поражение. Выступая 17 апреля 1940 года на совещании по подведению итогов и изучению опыта войны с Финляндией, Сталин со всей остротой поставил вопрос о необходимости овладения командными кадрами способов военных действий. Он говорил: “Традиции и опыт гражданской войны совершенно недостаточны, и кто их считает достаточными, наверняка погибнет. Командир, считающий, что он может воевать и побеждать, опираясь только на опыт гражданской войны, погибнет как командир. Он должен этот опыт и ценность гражданской войны дополнить обязательно... дополнить опытом современной” (“Зимняя война 1939-1940. И. Сталин и финская кампания” М., 1998, кн. 2, с. 278).

Последующие события подтвердили правильность этой мысли Сталина. Вооруженная борьба, развернувшаяся в ходе второй мировой войны, резко отличалась от военных действий в первой мировой войне. Под ударами немецко-фашистского “блицкрига” в короткий срок рухнули армии многих европейских стран, в том числе и таких крупных, как Франция и Польша. Военно-политическое руководство

этих государств не нашло пути решения возникших новых проблем вооруженной борьбы, надежного противодействия массированным ударам немецких танков и авиации, стратегии “блицкрига”.

Нарастающая угроза военного нападения фашистской Германии на Советский Союз становилась все более очевидной. Уже к маю 1941 года СССР был предпринят ряд оборонительных мер. В середине мая приграничные округа получили указание о формировании строительства укрепленных районов на новой государственной границе. В конце мая – начале июня на военно-учебные сборы была призвана часть приписного состава, что позволило довести некоторые дивизии до необходимой численности. Ближе к госгранице выдвигались дивизии из глубины пограничных округов. Буквально за несколько дней до начала вероломного нападения Германии решением Политбюро ЦК ВКП(б) были созданы Северо-Западный, Западный, Юго-Западный фронты, а накануне войны – еще Северный и Южный фронты.

С первых же дней войны перед Сталиным неотложно и остро встала проблема оптимальной организации управления вооруженной борьбой и всей жизнью страны в новых, крайне сложных условиях, тем более после первых неудачно развернувшихся военных действий. Как высший руководитель государства он сумел быстро найти новые оптимальные формы управления и создать соответствующие властные органы. Они успешно функционировали (изменяясь и совершенствуясь) на протяжении всей Отечественной войны, как в драматические ее периоды, так и в победные годы. Была осуществлена максимальная концентрация власти в одних руках. Это потребовало от Сталина неимоверного напряжения всех духовных и умственных сил, работы, в полном смысле слова, на износ.

В этот критический, сложный период войны Сталин оказался на уровне предъявляемых к полководцу требований: были сорваны планы гитлеровцев первыми массированными ударами разгромить Красную Армию. Полководец, не допустивший в начале войны разгрома своих войск, уже, можно сказать, выигрывает войну.

В самом начале войны Сталин охарактеризовал наиболее принципиальные особенности Великой Отечественной войны Советского Союза против фашистской Германии.

Первой особенностью Отечественной войны было то, что она возникла в результате внезапного вероломного нападения на СССР гитлеровской Германии. Готовясь к нападению на Советский Союз, фашистская Германия задолго полностью перевела свою экономику, а затем промышленность оккупированных ею европейских стран на выпуск военной продукции. Войска Германии как страны-агрессора, были целиком отмобилизованы и продвинуты к границам СССР, а затем по сигналу для выступления брошены против СССР. “Фашистская Германия, – говорил Сталин в выступлении по радио 3 июля 1941 года, – неожиданно и вероломно нарушила пакт о ненападении, заключенный в 1939 году между ней и СССР, не считаясь с тем, что она будет признана всем миром стороной нападающей. Понятно, что наша миролюбивая страна, не желая брать на себя инициативу нарушения пакта, не могла стать на путь вероломства”

Второй особенностью Отечественной войны являлось то, что в ней воевали не солдат против солдата, не армия против армии, а фашистская Германия против

социалистического Советского Союза. Это была не обычная война, а, по определению Сталина, великая война всего советского народа против немецко-фашистских войск.

Дело, таким образом, шло о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том – быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение, сохранить свой образ жизни и культуру или быть уничтоженными. В этой войне вопрос стоял только о полном разгроме гитлеровской Германии.

Третьей особенностью Отечественной войны было то, что в этой войне армия и народ были, как никогда, едины. И на фронте, и в тылу советские люди отдавали все свои силы, а подчас и жизнь, делу разгрома ненавистного врага. Войну вела вся страна – рабочие, крестьяне и трудовая интеллигенция, люди всех национальностей, мужчины и женщины, старики и дети. Поэтому исчезло само понятие в старом смысле слов “фронт” и “тыл”; тыл был таким же фронтом. Тыл поставлял армии боевые резервы, пополнял ее ряды, снабжал оружием и продовольствием – всем необходимым для разгрома противника.

Четвертая особенность Отечественной войны заключалась в том, что целью этой всенародной войны против фашистских угнетателей была не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. Опыт двух лет второй мировой войны показал, что гитлеризм является смертельным врагом всех народов мира – англичан и французов, американцев и югославов, датчан и греков, всем им грозило порабощение и истребление, вот почему Советский Союз имел верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе и в лице германского народа. Это был, говоря словами Сталина, “единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера”.
(И. Сталин “О Великой Отечественной войне Советского Союза” М., 1950, с. 18, 28).

Пятая особенность Отечественной войны состояла в том, что это была современная война, война, введущаяся при помощи новых технических средств, новыми методами, новой тактикой военных действий. Она коренным образом отличалась как от первой мировой войны, так и войны гражданской. Тогда главную роль играли боец-пехотинец, вооруженный винтовкой и пулеметом, кавалерия и полевая артиллерия. Введение в бой в большом количестве танков, авиации, автоматического оружия, скорострельной артиллерии и моторизованной пехоты сделало военные действия резко отличными от хода сражений в прошлых войнах. Военные действия стали необычайно напряженными, интенсивными, прежнее позиционное понятие о фронте исчезло, фронт превратился в подвижной, крайне изменчивый, а сама война стала весьма маневренной. Сражения велись и на огромной территории, и с применением многомиллионных армий.

В целом Советские Вооруженные Силы вступили в Отечественную войну организованными на современной технической основе. Они располагали, хотя еще и в недостаточном количестве, передовой военной техникой, имели серьезные заделы по ее совершенствованию. Это, безусловно, помогло Сталину как Верховному Главнокомандующему решать задачи вооруженной борьбы начального периода войны.

Вероломное нападение фашистской Германии заставило Красную Армию начать войну стратегической обороной. Верховному Главнокомандованию, Сталину необходимо было найти формы и способы борьбы, способные противостоять массированным ударам танков и авиации противника. Как известно, военным руководством армий европейских стран такие способы не были найдены, что и сыграло роковую роль, проложило путь к их тотальному поражению,

Советскому военно-политическому руководству, хотя и с огромными издержками, удалось в оборонительных сражениях первого периода войны преодолеть губительные последствия внезапного нападения мощного врага, сорвать немецкий план “молниеносной войны”. Измотав и истощив силы противника, изменить соотношение сил в пользу Красной Армии, создать условия для перехода в контрнаступление, вырвать из рук врага стратегическую инициативу.

Роль Сталина в решении этих труднейших задач нельзя недооценивать. Ни одно важное решение по боевым действиям в этот период войны не принималось без его главенствующего участия. На нем, как на Верховном Главнокомандующем, лежит большая доля ответственности за тяжкие поражения первых месяцев войны. Но ему же принадлежит большая роль и в срыве немецкого плана “блицкрига”, великая заслуга в организации контрнаступления Красной Армии в тяжелейших условиях битвы за Москву.

В трудные дни обороны Москвы Сталин выезжал на фронт, чтобы на месте ознакомиться с положением дел. Сопровождавший его в этих поездках телохранитель А. Т. Рыбин в записках “Сталин на фронте” пишет: “В 1941-1942 годах Сталин выезжал в прифронтовые полосы: на Можайский, Звенигородский, Солнечногорский оборонительные рубежи”.

На Волоколамском направлении он заезжал в госпиталь, в 16-ю армию Рокоссовского, где осмотрел в натуре работу ракетных установок БМ-13 (“Катюша”), побывал в 316 дивизии Ивана Васильевича Панфилова. Через три дня после парада 7 ноября 1941 года на Красной площади Сталин выезжал на Волоколамское шоссе в одну из дивизий, прибывшую из Сибири, осмотрел ее боевую готовность. “В 1942 году Верховный Главнокомандующий, – продолжает А. Т. Рыбин, – выезжал за реку Лама на аэродром, где шли испытания самолета. 2, 3 августа 1943 года Сталин прибыл на Западный фронт к генералу Соколовскому и члену Военного Совета Булганину. 4, 5 августа он находился на Калининском фронте у генерала Еременко”. Была проанализирована обстановка, разработан план операции обоих фронтов, особенно Калининского, и вопросы ее материального обеспечения.

Подчас по этому поводу иные авторы восклицают, что-де “мало ездил”, а то и того хлеще – мол, “боялся”. Либо делают вид, либо злоумышленно упускают, что Верховный Главнокомандующий чаще выезжать на фронты не мог: нельзя было оставлять общее руководство войной. А это главное.

Интересно и характерно признание немецкого генерала Гюнтера Блюментрита, воевавшего в 1941 году под Москвой. В специально написанной по заданию министерства обороны США в конце 50-х годов большой статье “Московская битва” он признается:

“Когда мы вплотную подошли к Москве, настроение наших командиров и войск вдруг резко изменилось. С удивлением и разочарованием мы обнару-

жили в октябре и начале ноября, что разгромленные русские вовсе не перестали существовать как военная сила. В течение последних недель сопротивление противника усилилось, и напряжение боев с каждым днем возрастало...

Из остатков потрепанных в тяжелых боях армий, а также свежих частей и соединений русское командование сформировало новые сильные армии. В армию были призваны московские рабочие... Сталин со своим небольшим штабом остался в столице, которую он твердо решил не сдавать. Все это было для нас полной неожиданностью. Мы не верили, что обстановка могла так сильно измениться после наших решающих побед, когда столица, казалось, почти была в наших руках. В войсках теперь с возмущением вспоминали напыщенные октябрьские заявления нашего министерства пропаганды.

Стали раздаваться саркастические замечания по адресу военных руководителей, восседавших в Берлине. В войсках считали, что политическим руководителям пора побывать на фронте и своими глазами посмотреть, что там делается...

Воспоминание о Великой армии Наполеона преследовало нас, как привидение. Книга мемуаров наполеоновского генерала Коленкура, всегда лежавшая на столе фельдмаршала фон Клюге, стала его библией. Все больше становилось совпадений с событиями 1812 года...

Теперь политическим руководителям Германии важно было понять, что дни блицкрига канули в прошлое. Нам противостояла армия, по своим боевым качествам намного превосходившая все другие армии, с которыми нам когда-либо приходилось встречаться на поле боя...

Часто спрашивают: смогли ли бы немцы выиграть эту войну, если бы им удалось захватить Москву? Это чисто академический вопрос, и никто не может ответить на него с полной определенностью. Я лично считаю, что, если бы даже мы овладели Москвой, все равно война была бы далека от благополучного завершения. Россия настолько обширна, а русское правительство обладало такой решимостью, что война, принимая новые формы, продолжалась бы на бескрайних просторах страны". ("Роковые решения" М., 1958, с. 91-93, 98, 109).

Наряду с Москвой крупнейшим индустриальным и культурно-политическим центром в Советском Союзе был Ленинград. Вот почему гитлеровские генералы рвались к колыбели революции, одному из важных оплотов социализма. Гитлер издал приказ захватить Ленинград и "сравнять его с землей". "Немецкие гренадеры, прошагавшие с победой все расстояния от Восточной Пруссии до пригородов Ленинграда, – вещал он, – найдут в себе силы пройти и оставшийся десяток километров". (А. Василевский "Дело всей жизни" М., 1983, с. 169).

Ставка Верховного Главнокомандования, Сталин срочными мерами создали устойчивый фронт под Ленинградом. Была увеличена глубина обороны города за счет развертывания резервных армий на тыловых оборонительных рубежах. В критическое для города время во главе обороны Ленинграда и всего Ленинградс-

кого фронта был поставлен Георгий Константинович Жуков. Благодаря его полководческому искусству, самоотверженности войск и горожан, Ленинград был превращен в неприступную для фашистов крепость.

Еще в начале обороны Ленинграда И.В. Сталин в письме к А.А. Жданову предписывал ни в коем случае не сдавать города. С точки зрения военно-стратегической захват немцами Ленинграда позволил бы им соединиться с финскими войсками, что еще больше укрепило бы гитлеровскую коалицию, заставило бы правительства некоторых других стран, которые все еще колебались, вступить в войну против СССР, с точки зрения политической захват Ленинграда позволил бы фашистам создать марионеточное правительство, чтобы затем обратиться к советскому народу с призывом выступить против Советской власти. Тогда нам, подчеркивал Сталин, будет труднее вести войну против немецко-фашистских захватчиков.

Планы фашистов были сорваны, Георгию Константиновичу Жукову, сыгравшему выдающуюся роль в спасении Ленинграда и за успешную предыдущую полководческую деятельность, первому за годы Отечественной войны из советских военачальников, в январе 1943 года было присвоено воинское звание Маршал Советского Союза. В представлении на звание Сталин написал всего три слова: “Жуков спас Москву”. И, передавая документ начальнику управления наркомата обороны генералу Румянцеву, сказал: “Я думаю, что этого будет достаточно” (*“Патриот” № 46, 1995 г.*).

Блокада Ленинграда, продолжавшаяся 900 дней, была прорвана. Мировая история до этого не знала примера столь длительной защиты осажденного крупного города. Тем самым советское военное искусство продемонстрировало превосходство над военным искусством гитлеровского вермахта. “Без признания этой аксиомы, – писал Г. К. Жуков, – невозможно ни понять, ни объяснить ход второй мировой войны в целом и узловых, исторических битв, например, таких, как борьба за Ленинград”. (*Г. Жуков “Воспоминания и размышления” М., 1990, т. 2. с. 200*).

Устинов
Дмитрий Федорович

Между тем находятся авторы, которые утверждают, будто Сталин преднамеренно обрек Ленинград на голод и вымирание, поскольку, мол, ненавидел город революции. Поистине, ложь не знает предела.

С первых же дней войны Сталин добивался неукоснительного и предельно срочного выполнения всех военных заказов, поставки Красной Армии новых видов вооружения. За годы Отечественной войны состоялось свыше 200 заседаний высших руководящих партийных органов – Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК партии, на которых обсуждались нужды фронта, работа тыла в условиях войны. Как вспоминал нарком вооружения Дмитрий Федорович Устинов, в середине июля 1941 года Сталин указал на необходимость ускорить изготовление авиационных пушек Бориса Гавриловича Шпитального. “Полтора месяца – слиш-

ком долго.— Сталин посмотрел на висевшие на стене портреты Суворова и Кутузова и спросил: — Вы, товарищ Устинов, знаете, как ценил время Суворов? “Деньги дороги, жизнь человеческая — еще дороже, а время дороже всего”. Так он говорил. Думаю, что правильно. В условиях войны выигрыш времени имеет особое, часто решающее значение. Это вопрос достижения технического превосходства над противником. К создателям оружия он относится не в последнюю очередь”.

(Д. Устинов “Во имя Победы” М., 1988, с. 204).

Сталину принадлежат крылатые слова: “Артиллерия — бог войны”. В январе 1942 года Красная Армия впервые осуществила артиллерийское наступление. С тех пор это стало основной формой применения артиллерии во всех наступательных операциях. Так, вспоминая Берлинскую наступательную операцию, маршал Г. К. Жуков писал: “На участке главного удара войск фронта артиллерийская плотность создавалась до 270 орудий калибром от 76 миллиметров и выше на один километр фронта прорыва... От выстрелов многих тысяч орудий, минометов и наших легендарных “катюш” ярко озарилась вся местность, а вслед за этим раздался потрясающей силы грохот выстрелов и разрывов снарядов, мин и авиационных бомб”. (Г. Жуков “Воспоминания и размышления” М., 1990, т. 3, с. 234, 239).

Во время войны забота о Красной Армии, морально-политическом состоянии ее кадров проявилась во введении общеармейских погон, проведении унификации воинских званий. За высокое воинское мастерство, мужество и героизм, проявленные в боях с врагом, соединениям и частям присваивалось звание гвардейских. Были введены гвардейские воинские звания, например, гвардии сержант, гвардии лейтенант, гвардии капитан и т. д. В 1943 году были установлены воинские звания — маршал, главный маршал авиации, артиллерии, бронетанковых, инженерных войск и войск связи. Эти и другие меры Верховного Главнокомандования повышали боеспособность армии, укрепляли ее дисциплину и морально-политическое состояние, что было очень важно именно тогда, на переломном рубеже Великой Отечественной войны.

Известно, что Сталин уважал и ценил храбрых командиров. Он высоко отзывался, например, о Иване Степановиче Коневе, его инициативных боевых действиях. Так, во время Корсунь-Шевченковской операции мощный танковый клин врага врезался в оборону 27-й армии 1-го Украинского фронта, которым командовал Николай Федорович Ватутин, Предвидя это, Иван Степанович Конев перебросил 5-ю танковую армию на стык с соседом и даже частично в его полосу действий, Ему позвонил Верховный Главнокомандующий:

Конев Иван Степанович

— В Ставке есть данные, что окруженная группировка прорвала фронт 27-й армии и уходит к своим. Вы знаете обстановку у вашего соседа?

Конев ответил:

— Не беспокойтесь, товарищ Сталин. Окруженный противник не уйдет. Наш фронт принял меры.

Для обеспечения стыка с 1-м Украинским фронтом и для того, чтобы загнать противника обратно в котел, мною в район образовавшегося прорыва врага были выдвинуты 5-я гвардейская танковая армия и 5-й кавалерийский корпус. Задачу они выполняют успешно.

Сталин спросил:

– Это вы сделали по своей инициативе? Ведь это за разграничительной линией вашего фронта. Конев ответил:

– Да, по своей, товарищ Сталин, – на что Сталин сказал:

– Это очень хорошо. Мы посоветуемся в Ставке, и я вам позвоню.

Действительно, минут через 10-15 Сталин позвонил вновь. Тогда же директивной Ставки общее руководство всеми войсками, привлекаемыми для уничтожения окруженных на внутреннем фронте, было возложено на командующего 2-м Украинским фронтом Ивана Степановича Конева.

А когда операция, вошедшая в историю как “Сталинград на Днепре”, пришла к победному концу, Сталин позвонил Коневу:

– Поздравляю с успехом, У правительства есть мнение присвоить вам звание Маршала Советского Союза.

Самолетом И. С. Коневу доставили маршальские погоны, присланные Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым.

Однако Сталин не раз и ругал Конева, когда тот решал дела, которые должны были решать в лучшем случае командиры полков.

Сталин был беспощаден к тем, кто не исполнял порученного дела, к нарушителям воинской дисциплины, разгильдяям.

При всем почтительном отношении к маршалу Клименту Ефремовичу Ворошилову Сталин настоял в апреле 1942 года принять постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о работе товарища Ворошилова. В постановлении отмечалось, что он обнаружил свою несостоятельность по руководству армией еще во время войны с Финляндией в 1939-1940 годах, за что и был освобожден от поста наркома обороны страны. Назначенный в начале войны с Германией главнокомандующим Северо-Западного направления, Ворошилов не справился с порученным делом и не сумел организовать оборону Ленинграда. А командированный в феврале 1942 года представителем Ставки на Волховский фронт, вместо того, чтобы взять на себя непосредственное командование фронтом, имеющим решающее значение для защиты колыбели революции, маршал с наганом в руке поднял матросов в атаку против фашистов. Было решено:

“Первое. Признать, что товарищ Ворошилов не оправдал себя на порученной ему работе на фронте.

Второе. Направить товарища Ворошилова на тыловую военную работу” *(ЦАМО. ф. 132. оп. 2642, д. 233. л. 285-286).*

В том же 1942 году приказом народного комиссара обороны И.В. Сталина за провал Керченской операции и сдачу врагу Керчи, имевшей важное значение для обороны Северного Кавказа, был снят с должности заместителя наркома обороны маршал Г. И. Кулик. Его лишили звания Героя Советского Союза, всех воинских наград и разжаловали до звания генерал-майора.

Эти примеры, с одной стороны, свидетельствуют о твердости руководства Сталина, а с другой – развенчивают миф о какой-то его сверхжестокости.

В борьбе за достижение поставленных целей Сталин обладал железной волей. Он умел организовать усилия миллионов людей для завоевания победы, крепко держал рычаги власти в своих руках и заставлял работать с отдачей всех сил все звенья государственного, партийного и военного аппаратов. Ему было присуще острое чувство распознавания талантливых людей, умелых организаторов, знатоков военного дела. Он мастерски подбирал своих помощников из одаренных и талантливых военачальников, выращивал их и смело ставил на ответственные посты.

“Война, – говорил Сталин, – суровое испытание. Она выдвигает сильных, смелых, талантливых людей. Одаренный человек покажет себя в войне за несколько месяцев, на что в мирное время нужны годы. У нас в первые же месяцы войны проявили себя замечательные военачальники, которые в горниле войны приобрели опыт и стали настоящими полководцами”. (С. Штеменко “Генеральный штаб в годы войны” М., 1981, кн. 2, с. 499).

За годы войны и в ходе Отечественной войны Сталин блестяще справился с задачей формирования и воспитания высшего эшелона военачальников, владеющих передовой военной наукой, умеющих бить врага. Достаточно назвать такие имена, как Г. К. Жуков, А. М. Василевский, К. К. Рокоссовский, И. С. Конев, Л. А. Говоров, Н. Ф. Ватугин, И. Д. Черняховский, А. И. Антонов, В. Д. Соколовский, К. А. Мерецков, Р. Я. Малиновский, Н. Н. Воронов, Ф. И. Толбухин, Н. Д. Яковлев, М. С. Калинин, К. Н. Галицкий, С. Г. Трофименко, А. В. Горбатов, С. М. Штеменко, В. В. Курасов, К. А. Вершинин, А. Е. Голованов, Я. Н. Федоренко, П. С. Рыбалко, С. И. Богданов, М. Е. Катюков, Д. Д. Лелюшенко, А. И. Еременко, И. Х. Баграмян, Н. Г. Кузнецов, П. А. Курочкин, С. С. Бирюзов, К. С. Москаленко и многих, многих других.

Полководческая деятельность Иосифа Виссарионовича Сталина с наибольшей глубиной раскрылась в самой сложной, высшей области военного искусства – стратегии. Его выдающиеся способности в этой области отмечали ближайшие соратники.

Важнейшей и чаще всего наиболее трудной проблемой войны, ее кампаний и важнейших операций является правильное решение вопроса о воздействии политики на военную стратегию. А также обратного влияния хода вооруженной борьбы на принятие политических решений. Еще Клаузевиц отмечал: “Война является не самостоятельным делом, а продолжением политики другими средствами; ввиду этого главные линии всех крупных стратегических планов преимущественно имеют политический характер, который выступает тем сильнее, чем шире они охватывают войну и государство в целом. Весь план войны непосредственно вытекает из политического бытия воюющих государств и их отношений с другими державами... Но политический элемент проникает и в отдельные операции, и лишь редко можно найти крупный военный акт, например, сражение и т. п., на который политический элемент не оказывал бы какого-либо влияния...” Далее Клаузевиц отмечает, что “этот взгляд” он кладет “в основу всей стратегии”, что это “делает понят-

ной всю военную историю – без чего все полно величайших абсурдов” (К. Клаузевиц “Основы стратегического решения” М., 1924, с 7-8).

Решение сложного узла проблем, связанных с взаимовлиянием политики на военную стратегию и хода вооруженной борьбы на политику, требует серьезного научного подхода и хорошей разносторонней подготовки. При изучении военной истории правильное освещение этих вопросов затрудняется тем, что многие из принимавшихся на высшем уровне решений, и особенно их мотивация, не находят достаточно полного отражения в документах. Между тем глубокое понимание взаимодействия политики и военной стратегии, их конкретного проявления в конкретной обстановке имеют исключительно важное значение для судьбы войны.

Опираясь на опыт гражданской войны и первого периода Отечественной войны, Сталин пришел к выводу, что современную войну нельзя вести без учета особой роли резервов. При этом резервы рассматривались им во всем многообразии. Он считал, что резервы должны создаваться в общегосударственном масштабе и обеспечивать ведение войны всем необходимым. Стратегические резервы Вооруженных Сил должны включать в свой состав запасы призывных людских контингентов, средства материального обеспечения ведения вооруженной борьбы, готовые для боевых действий войсковые соединения и объединения оперативного масштаба, резервы боевой техники, резервы транспортных средств.

В 12-м томе “Истории второй мировой войны” отмечается: “Искусство стратегического руководства рельефно проявлялось в умелом и наиболее эффективном применении резервов. В наступлении они использовались для создания ударных группировок на главных направлениях, наращивания усилий войск для развития наступления на большую глубину, отражения контрударов противника, закрепления на важных рубежах и решения других задач. В обороне резервы использовались для восстановления стратегического фронта, наращивания глубины обороны на наиболее угрожаемых направлениях, нанесения решительных контрударов и создания группировок войск при переходе в контрнаступление. Стратегические резервы, как правило, направлялись туда, где решалась судьба кампании или стратегической операции, и вводились лишь тогда, когда имелись условия для создания перелома в оперативно-стратегической обстановке. Особенно ярко это проявилось в Московской, Сталинградской и Курской битвах” (“История Второй мировой войны” 1982, т. 12, с. 337).

Выдающуюся роль Сталина в создании и умелом использовании стратегических резервов во время войны отмечали многие его соратники. Так, адмирал флота Николай Герасимович Кузнецов писал в своих воспоминаниях, что маршал А. М. Василевский говорил ему: “...как в критические октябрьские и ноябрьские дни 1941 года северо-западное направление на подходах к столице оказалось плохо защищенным, а все настойчивые просьбы и обращения к Сталину взять войска и артиллерию из резерва были напрасны. Сталин в те дни с удивительным упорством собирал резервы для контрнаступления и провел это в жизнь. Казалось, нереальная в тех условиях победа под Москвой стала возможной.

Нечто подобное позднее происходило под Сталинградом, когда советские войска готовились окружить и разбить армию Паулюса. Тогда решением Ставки и

лично Верховного Главнокомандующего в течение нескольких месяцев буквально со всех концов страны подтягивались людские резервы и материальная часть, чтобы окружить и “загубить” (по выражению Сталина) немецкие войска... Нужно прямо сказать, что при огромном, а иногда и решающем значении роли полководцев, проводивших планы операции в жизнь, зарождение идеи в Ставке и воля Верховного Главнокомандующего определяли успех сражения” (*Военно-исторический журнал* № 4, 1993, с. 50).

Только правильно организованная и разумно используемая система резервов может обеспечить гигантские масштабы современной вооруженной борьбы. Искусное маневрирование всеми этими резервами – важнейшая задача стратегии. Она успешно и эффективно решалась Сталиным на протяжении всей войны, как в деле создания резервов, так и их использования.

Исключительно важную роль играет на войне и фактор времени. А на ее решающих этапах это проявляется особенно отчетливо, зримо, чему пример выбор времени перехода в контрнаступление в битвах под Москвой и Сталинградом, на Курской дуге. Опыт Отечественной войны убеждает, что советское Верховное Главнокомандование в полной мере обладало замечательной способностью чувства времени начала или завершения крупных сражений.

После контрнаступления под Москвой Сталин дал правильный прогноз дальнейшего развития событий на советско-германском фронте, сформулировал положение о значении постоянно действующих факторов войны. Тем самым были определены ориентиры действий Вооруженных Сил и работа тыла, которые в конечном итоге должны привести к победе. “Момент внезапности и неожиданности как резерв немецко-фашистских войск израсходован полностью, – указывал И. В. Сталин в феврале 1942 года, – Тем самым ликвидировано то неравенство в условиях войны, которое было создано внезапностью немецко-фашистского нападения. Теперь судьба войны будет решаться не таким привходящим моментом, как момент внезапности, а постоянно действующими факторами: прочность тыла, моральный дух армии, количество и качество дивизий, вооружение армии, организационные способности начальствующего состава армий”. (*И. Сталин “О Великой Отечественной войне Советского Союза” М., 1950, с. 78*).

С точки зрения теории это было новое слово в науке о войне, о непосредственной органической связи хода и исхода войны со степенью и характером экономического и политического развития государства, с господствующей в стране идеологией. С точки зрения практической это была целостная программа становления и развития хозяйственно-политической и организаторской работы для достижения победы. С точки зрения собственно военной это была платформа подготовки кадров Красной Армии, вооружения командиров и бойцов военным искусством побеждать врага, В приказе 1 мая 1942 года Сталин заявил, что Красная Армия

*Кузнецов
Николай Герасимович*

имеет все необходимое, чтобы разбить врага и изгнать его из Советской страны, требуется только полностью использовать предоставленную первоклассную технику, в совершенстве овладеть своим оружием, бить врага по всем правилам современной военной науки.

Сталин умел охватывать все стороны военно-политической обстановки, систематизировать огромный объем данных, выделять самое существенное в развитии войны, постигать решающее в ней, что определяет и будет в дальнейшем определять ход ее событий. Такую способность полководца высоко ценил выдающийся советский военный деятель Михаил Васильевич Фрунзе. “Для того, чтобы быть хорошим стратегом одинаково, как в области чистой политики, так и в военном деле, – отмечал он, – необходимы особые качества. Самым важным из них является так называемая интуиция, способность быстро разобраться во всей сложности окружающих явлений, остановиться на самом основном и на основании этого основного наметить определенный план борьбы и работы” (М. Фрунзе “Избранные произведения” М., 1934, с. 322).

Победа над мощным противником, указывал Сталин, не может быть достигнута в одном генеральном сражении. Для этого необходимо провести целый ряд успешных наступательных операций стратегического масштаба. Он считал и последовательно на протяжении всей войны воплотил в боевые действия войск положение о том, что “только неуклонно нарастающие в своей силе сокрушительные удары могут сломить сопротивление врага и привести нас к окончательной победе”. (И. Сталин “О Великой Отечественной войне Советского Союза” М., 1950, с. 139).

На протяжении всей войны Сталин как полководец уделял исключительное внимание вопросу выбора направления главного удара в проводившихся советскими войсками кампаниях, стратегических операциях фронтов и групп фронтов. Он исходил из положения, выработанного им еще в предвоенные годы: “План стратегии – это план организации решающего удара в том направлении, в котором удар, скорее всего, может дать максимум результатов”. (И. Сталин, соч., т. 5, с. 163).

Проблема главного удара Сталиным рассматривалась широко и не ограничивалась только правильным выбором его направления. Сталин прилагал огромные усилия для того, чтобы всесторонне обеспечить достижение успеха на избранном направлении. Дело сводилось не только к сосредоточению здесь мощных группировок войск. Велись напряженные поиски оптимальных, нестандартных способов проведения операций, новых организационных форм, делалось максимум возможного по материально-техническому обеспечению успеха на избранном направлении, туда направлялись наиболее подготовленные кадры. Принимались все меры к тому, чтобы скрыть от противника готовившийся удар.

В воспоминаниях А. С. Яковлева сохранилось поучительное высказывание Сталина на совещании 10 июня 1943 года по вопросу о сосредоточении усилий истребительной авиации на избранных направлениях и поиску новых организационных форм для достижения этих целей. Запись гласит: “Наша истребительная авиация, – сказал Сталин, – разбросана по отдельным фронтам и не может быть использована концентрированно как ударная сила для решения самостоятельных задач, как, например, завоевания господства в воздухе на том или другом участке фронта.

Пока что наши истребители в основном взаимодействуют с наземными войсками и самостоятельного значения не имеют...» Сталин предложил создать несколько специализированных истребительных корпусов, подчиненных Главному Командованию, с тем, чтобы использовать эти части для массированных ударов в воздухе против вражеской авиации, для завоевания господства в воздухе на решающих участках фронта. Все присутствовавшие единодушно согласились с этим предложением”. (А. Яковлев “Цель жизни” М., 1967, с. 326).

Наступательная стратегия Красной Армии по существу господствовала на полях сражений Отечественной войны с конца 1942 года. Наступательные операции Красной Армии отличались внезапностью действий, как в стратегическом, так и в оперативном масштабах, нарастающим размахом, умелым выбором направления главного удара, искусным маневрированием боевыми силами и военными средствами, мастерством добиваться победы в сжатые сроки и наименьшей ценой потерь, применением различных способов разгрома противника, отсутствием шаблона в действиях войск. Неуклонно возрастала результативность стратегического наступления Красной Армии. Именно в ходе этих операций были достигнуты важнейшие цели Великой Отечественной войны и второй мировой войны.

При разработке целей и способов проведения кампаний и стратегических операций на этом этапе Великой Отечественной войны в политической стратегии и военной стратегии советского руководства серьезных сбоев, тем более противоречий и столкновений, не было. В успешном решении этих сложнейших задач огромная заслуга принадлежит высшему политическому и военному руководству нашей страны, лично Верховному Главнокомандующему Вооруженными Силами Сталину.

“Советские войска, – писал впоследствии маршал А. М. Василевский, – прочно захватив в свои руки стратегическую инициативу, встали на прямой путь, ведущий к победе. Путь этот был нелегок. Однако все мы сознавали, что уже сделан решающий шаг в освобождении Родины. Стала заметной растущая уверенность в наших действиях, в характере оперативно-стратегических планов и замыслов командующих фронтами. Наши военачальники все лучше овладевали искусством маневренных наступательных операций, не забывая в то же время и о необходимости умело держать оборону”. (А. Василевский “Дело всей жизни” М., 1973, с. 345).

Сталину как Верховному Главнокомандующему и председателю Ставки ВГК принадлежала выдающаяся роль в определении политических и военных целей вооруженной борьбы на различных ее этапах, в разработке планов кампаний и стратегических операций, в которых участвовали огромные массы войск и боевой техники, и каждая из которых являлась важным звеном на пути к окончательной победе. Составить конкретное представление по этим вопросам можно, если рассмотреть процесс планирования хотя бы одной из кампаний Великой Отечественной войны, одной из ее битв.

Во многих отношениях поучительным является планирование советским командованием летне-осенней кампании 1943 года, когда чаша весов войны еще колебалась и немецкое командование предпринимало отчаянные усилия, чтобы повернуть ход войны в свою пользу. А также планирование вооруженной схват-

ки в главном событии этой кампании – битве на Курской дуге.

Известно, что после зимних сражений 1942-1943 годов на советско-германском фронте установилось относительное затишье. Весна и начало лета 1943 года были наполнены напряженной подготовкой противоборствующих сторон к предстоящим сражениям, их огромными усилиями по мобилизации материальных и духовных ресурсов своих стран к решающей схватке. Вновь, как и ранее, в поединке столкнулись две школы военной мысли, две стратегии дальнейшего ведения войны.

23 февраля 1943 года Сталин в приказе № 95 сформулировал военно-политические цели, стоявшие перед страной “Мы начали освобождение Советской Украины от немецкого гнета, но миллионы украинцев еще томятся под гнетом немецких поработителей. В Белоруссии, Литве, Латвии, Эстонии, в Молдавии, в Крыму, в Карелии пока еще хозяйничают немецкие оккупанты и их прислужники. Вражеским армиям нанесены мощные удары, но враг еще не побежден. Немецкие захватчики яростно сопротивляются, переходят в контратаки, пытаются задержаться на оборонительных рубежах и могут пуститься на новые авантюры. Вот почему в наших рядах не должно быть места благодущию, беспечности, зазнайству”.

Верховный Главнокомандующий потребовал: “Усилить удары по вражеским войскам, неустанно и упорно преследовать врага, не давать ему закрепляться на оборонительных рубежах, не давать ему отдыха ни днем ни ночью, резать коммуникации врага, окружать вражеские войска и уничтожать их, если они отказываются сложить оружие”. *(И. Сталин “О Великой Отечественной войне Советского Союза” М., 1950, с. 170, 171).*

К разработке конкретных военных планов на лето и осень 1943 года советское военно-политическое руководство приступило в конце марта. Эта работа прошла несколько этапов и длилась около трех месяцев, в ней участвовали Ставка Верховного Главнокомандования, Генеральный штаб и штабы видов вооруженных сил и родов войск, командования и штабы ряда фронтов.

Высшим руководителем и координатором этой многогранной работы являлся Сталин, что требовало от него глубокого знания военного дела, трезвой оценки меняющейся обстановки на советско-германском фронте и других театрах второй мировой войны, возможностей советских войск и войск противника, военно-экономического потенциала воюющих сторон, способности и умения мобилизовать все материальные и духовные силы страны для достижения целей предстоявшей кампании.

Первоначально намечалось, что советские вооруженные силы первыми перейдут к активным действиям, развернут широкое наступление на юго-западном направлении. К этому имелись объективные предпосылки – значительно усилившийся военно-экономический потенциал страны, возросшее могущество вооруженных сил, их выдающиеся успехи зимой 1942-1943 годов привели к глубоким изменениям в соотношении сил противоборствовавших сторон. Казалось, это было правильное решение, отвечающее сложившейся обстановке, проверенное мировой практикой.

Однако жизнь и творческий поиск новых, неординарных путей решения проблем вооруженной борьбы внесли свои коррективы в первоначальный замысел. Советской разведкой было установлено, что Германия спешно перебрасывает на Восточный фронт новые мощные силы и что возможным очагом возникновения

опасности может стать район Курской дуги. В последующем были вскрыты общий замысел немецко-фашистского командования на проведение летне-осенней кампании 1943 года на советско-германском фронте, направления намечавшихся ударов, силы ударных группировок, в которых особая роль отводилась массированному применению танков и авиации.

Таким образом, еще до начала наступления вермахта хорошо сработавшая разведывательная служба дала советскому командованию возможность планировать боевые действия на основе весомых сведений о положении, силах и намерениях противника, причем не только на Курском направлении, но и в масштабе всего фронта, и всесторонне подготовиться к предстоявшей борьбе. Это был крупный успех, и он оказал значительное влияние на ход войны.

Дальнейшее изучение военно-политической обстановки и данных о планах противника подтвердило, что немецко-фашистское командование готовится к проведению летом 1943 года широких наступательных действий и главный удар будет нанесен в районе Курского выступа.

Стало ясно, что борьба примет чрезвычайно ожесточенный характер и будет проходить в условиях крупных изменений в техническом оснащении вооруженных сил противоборствующих сторон. Не менее важно было учесть и то, что боевые действия будут проходить в условиях изменившегося соотношения военных сил противников.

Весной 1943 года перед советским политическим и военным руководством со всей остротой вновь встал вопрос о том, как решать главные задачи войны, какой вид стратегических действий – наступление или оборону – применить на данном этапе.

Вырабатывая план летне-осенней кампании 1943 года военно-политическое руководство Советского Союза считалось с тем, что боеспособность вермахта оставалась высокой, что и на этом этапе войны предстоит вести борьбу со стойким и хорошо подготовленным противником, имевшим на своем вооружении перwokлассную боевую технику. Недооценки сил врага допущено не было.

Итак, предстояло принять важнейшее решение: какой вид стратегических действий применить для достижения цели – оборону или наступление.

Поступавшие сведения о противнике Сталин неоднократно обсуждал с руководящими работниками высших политических и военных инстанций. Маршал А. М. Василевский писал; “Анализируя разведывательные данные о подготовке врага к наступлению, фронты, Генеральный штаб и Ставка постепенно склонялись к идее перехода к преднамеренной обороне. Этот вопрос в конце марта – начале апреля многократно обсуждался в ГКО и Ставке”. (А. Василевский “Дело всей жизни” М., 1973, с. 309).

8 апреля Г. К. Жуков, находившийся в районе Курского выступа, направил в Ставку доклад, в котором особо подчеркнул: “Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выьем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника”. (Г. Жуков “Воспоминания и размышления” М., 1974, т. 2, с. 141).

В докладе ставился вопрос о действиях “в ближайшие дни”. Более дальняя перспектива событий еще не рассматривалась.

В своих воспоминаниях А. М. Василевский писал: “Я как раз находился у И. В. Сталина, когда он получил этот доклад. Верховному было известно, что Генеральный штаб придерживается точки зрения Жукова. Прочитав доклад Жукова, Сталин сказал: “Надо посоветоваться с командующими войсками фронтов” – и распорядился запросить мнение фронтов”. (*А. Василевский “Дело всей жизни” М., 1973, с. 310*).

Касаясь вопросов планирования летне-осенней кампании 1943 года и Курской битвы, необходимо отметить такое важное обстоятельство. Весной 1943 года советское командование впервые за все время войны располагало полными данными о замыслах противника. Это, безусловно, облегчало решение им такой важной исходной задачи планирования, как безошибочный анализ сложившейся военно-политической обстановки. Без этого невозможно правильно предвидеть развитие событий, обоснованно разработать план действий в предстоящей военной кампании и планы ее стратегических операций.

Верховный Главнокомандующий энергично поддержал рациональные соображения, высказанные в докладе Жукова, и 10 апреля дал указание Генштабу подготовить совещание в Ставке по обсуждению плана летне-осенней кампании и запросить мнение командующих фронтами о возможном характере действий и вероятных направлениях ударов противника.

Командования Центрального и Воронежского фронтов выразили уверенность в том, что враг будет наступать на Курском направлении. При этом в донесении от 10 апреля начальник штаба Центрального фронта генерал-лейтенант М. С. Малинин высказался за нанесение упреждающего удара по немецким войскам: “В условиях данной оперативной обстановки считал бы целесообразным предпринять следующие мероприятия: объединенными усилиями войск Западного, Брянского и Центрального фронтов уничтожить орловскую группировку противника и этим лишить его возможности нанести удар из района Орла через Ливны и Касторное, захватить важнейшую для нас железнодорожную магистраль Мценск – Орел – Курск и лишить противника возможности пользоваться Брянским узлом железных и грунтовых дорог” (*ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 2307, д. 3, л. 33*).

Военный совет Воронежского фронта в это время своего мнения о предстоящих действиях советских войск не высказал.

12 апреля в Ставке под председательством Сталина состоялось совещание. Кроме него присутствовали заместитель Верховного Главнокомандующего Г. К. Жуков, начальник Генерального штаба А. М. Василевский, заместитель начальника Генштаба А. И. Антонов. Участники совещания пришли к выводу, что целью вермахта будет окружение и уничтожение войск Центрального и Воронежского фронтов в районе Курского выступа. Предполагалось, что в последующем немецко-фашистское командование попытается развить наступление в восточном и юго-восточном направлениях, считалось также возможным нанесение удара на северо-восток в обход Москвы. На остальных участках фронта, где противник не располагал силами, необходимыми для ведения крупных наступательных операций, предполагалось, что немецкие войска будут обороняться или вести отвлекающие действия. (*ЦАМО РФ, ф. 48а, оп. 1147, д. 2, л. 4*).

Хотя инициатива находилась в руках Красной Армии, и она имела возможность развернуть первой наступление, Ставка ВГК избрала преднамеренную оборону с последующим переходом в контрнаступление. Было принято решение о строительстве системы прочной, глубокоэшелонированной обороны прежде всего в районе Курского выступа. Войска получили указание прикрыть подступы к переднему краю мощными минными полями и другими заграждениями, надежно укрыть в землю живую силу, артиллерию, минометы, танки, оборудовать траншеи и ходы сообщений, чтобы облегчить маневр во время сражения.

Предусматривалось на заранее подготовленных рубежах измотать противника в оборонительном сражении, создать этим условия для перехода в контрнаступление, в ходе которого нанести решающее поражение главным силам вермахта.

Участники совещания исходили из того, что в случае перехода в наступление советских войск первыми, сильные танковые группировки врага могут воспрепятствовать его развитию. Было очевидно и то, что при нанесении упреждающего удара по изготовившемуся к наступлению противнику потери советских войск резко возрастут. Печальный опыт, приобретенный Красной Армией весной 1942 года, когда были предприняты попытки первыми осуществить наступательные операции, не прошел даром.

*Ротмистров
Павел Алексеевич*

Переход к преднамеренной обороне был наиболее целесообразным способом действий в обстановке, сложившейся весной 1943 года. Осенью 1943 года Сталин в беседе с маршалом бронетанковых войск Павлом Алексеевичем Ротмистровым так объяснил, почему он считал целесообразным встретить удар немецко-фашистских войск обороной.

“Наша пехота с артиллерией очень сильна в обороне и нанесет большое поражение наступательным силам гитлеровцев, в маневренном же бою после прорыва обороны противника пехота не так сильна. Наши танковые войска, отметил Сталин, доказали, особенно в битве под Сталинградом, что они вполне способны успешно вести бои с сильнейшими танковыми группировками противника в маневренных условиях. Однако в той ситуации, когда фашисты

имели почти такое же количество танков, как и Красная Армия, но обладали численным превосходством в тяжелых танках, риск был необоснованным. Вот почему и было принято такое решение, и оно себя полностью оправдало”. (П. Ротмистров *“Время и танки”* М., 1972, с. 162).

Не вело ли решение советского командования отказаться начать первыми широкое наступление весной 1943 года к потере стратегической инициативы, захваченной после победы в Сталинградской битве? Ни в коей мере! Зная о наступательных планах врага, советское командование приняло оптимальное решение – разгромить главные наступательные группировки вермахта в оборонительном сражении и контрнаступлении под Курском. Этим оно подчиняло план противника (его волю вести наступление) своему плану, своей воле. Инициатива выбора решения

весной 1943 года оставалась в руках советской стороны. Способность проникать в замыслы врага всегда расценивалась как одно из ценнейших качеств полководца.

Выработка решения о переходе к преднамеренной обороне в районе Курска была связана с большими сложностями. Это требовало большой осмотрительности, мужества, уверенности в своих силах, глубокого понимания особенностей вооруженной борьбы на данном этапе войны. Дело в том, что с самого начала второй мировой войны ни на одном театре военных действий, ни на одном участке фронта не удавалось предотвращать глубокие прорывы массированных сил немецких танков и авиации. Наступавшие группировки в лучшем случае удавалось остановить лишь в глубине, ценой больших потерь территории, живой силы, боевой техники.

Под Курском мощные танковые силы врага необходимо было обязательно остановить в тактической зоне, так как их продвижение в глубь обороны могло, в конечном итоге, привести к окружению более чем миллионной группировки советских войск западнее Курска. В планировании битвы по существу заново ставился принципиальный вопрос о способности полевой обороны противостоять мощным танковым таранам врага, не допустить их прорыва на оперативную глубину.

Конечно, в принятом решении имелся определенный риск. В. И. Ленин отмечал, что “всякое сражение включает в себя абстрактную возможность поражения, и нет другого средства уменьшить эту возможность, как организованная подготовка сражения”. (*В. Ленин. Поли. Собр. соч. т. 6, с. 137*).

Сталин и Ставка действовали по-ленински, предприняли огромные усилия по созданию обороны, которая смогла бы сломить мощные танковые тараны врага на передних рубежах борьбы, предотвратить их прорыв к Курску. Оборона создавалась с учетом того, что на вооружение противника поступили тяжелые танки и самоходные орудия. Риск, на который шло советское командование, был оправдан, но был обдуман, основывался на анализе возможностей своих войск и войск противника и их вооружения. Но предстояла невиданная по своему напряжению и ожесточенности борьба.

Переход к обороне не означал для советских вооруженных сил потерю инициативы. Это был лучший способ создания благоприятных условий для разгрома наиболее активных и опасных ударных группировок врага. Решение Ставки ВГК о переходе к преднамеренной обороне носило творческий, оригинальный характер. История военного искусства знает мало примеров, когда более сильная сторона переходом к обороне так успешно использовала боевую активность врага, чтобы нанести ему поражение и добиться дальнейшего изменения соотношения сил в свою пользу.

Таким образом, Ставка ВГК к середине апреля имела ясное представление о характере предстоявшей вооруженной борьбы на советско-германском фронте летом 1943 года и разработала план своих действий.

Переход к преднамеренной обороне в районе Курской дуги выдвинул перед советским командованием ряд сложных проблем. Необходимо было решить принципиальный вопрос, имевший большое значение для дальнейшего хода войны: какие мероприятия необходимо осуществить, чтобы сделать полевую оборону способной успешно противостоять массированному удару танков и авиации. В битве под

*Василевский
Александр Михайлович*

Курском необходимо было создать оборону, способную остановить наступление мощных танковых группировок в тактической зоне.

“Сталина, – писал А. М. Василевский, – беспокоило, выдержат ли наши войска удар крупных масс фашистских танков... Ведь гитлеровское командование для осуществления плана “Цитадель” сосредоточило на узких участках прорыва советской обороны до 70 процентов своих танковых дивизий. Однако Красная Армия закалилась в сражениях, приобрела огромный боевой опыт, имела отличное вооружение. Теперь уже фашисты боялись нас, И колебания были отброшены”. (*Новая и новейшая история* 1992, № 2, с. 81).

Замысел разгрома противника под Курском включал в себя организацию мощной глубокоэшелонированной обороны и проведение оборонительной операции силами Центрального и Воронежского фронтов с целью изматывания ударных группировок противника и создания наиболее благоприятных условий для перехода в контрнаступление. Переход в контрнаступление осуществить силами левого крыла Западного, Брянского, правого крыла Центрального, Воронежского, Степного фронтов. Такой способ действий должен был создать решительный перелом в ходе борьбы и обеспечить разгром главных ударных группировок противника, создать предпосылки для развертывания стратегического наступления на широком фронте с задачей достижения конечных целей кампании. В замысле проявился творческий характер советского военного искусства в использовании различных форм борьбы для достижения победы над противником.

На совещании 12 апреля был предусмотрен и другой, запасный вариант действий: переход советских войск в наступление в том случае, если противник будет откладывать наступление на Курск. По указанию Сталина продолжалась и разработка плана перехода в наступление первыми. Окончательное решение было принято Ставкой ВГК в конце мая – начале июня, когда полностью выяснились планы немецко-фашистского командования.

В период подготовки Курской битвы Государственный Комитет Обороны и Генеральный штаб уделяли большое внимание формированию стратегических резервов. В основном за их счет создавались мощные группировки на важнейших направлениях. В тылу Центрального и Воронежского фронтов были сосредоточены мощные стратегические резервы, организационно объединенные в Степной военный округ (с 9 июля 1943 года Степной фронт), который представлял собой наиболее мощный стратегический резерв Ставки ВГК, когда-либо создававшийся в годы Великой Отечественной войны.

Хотя ожидавшиеся сроки вражеского наступления значительно оттягивались, решение о преднамеренной обороне Ставка ВГК последовательно проводила в жизнь. Командование Воронежского фронта выступило с пред-

ложением первыми предпринять наступление и нанести упреждающий удар по немецко-фашистским войскам. Ставка ВГК это предложение отклонила. (А. Василевский "Дело всей жизни" М., 1973, с. 316).

Ставкой ВГК главная роль в оборонительном сражении отводилась Центральному и Воронежскому фронтам. Для того чтобы гарантировать себя от прорыва немецких танковых клиньев в район Курска, Ставка ВГК сочла необходимым заранее создать на Центральном и Воронежском фронтах превосходство в силах. Предусматривалось, что войска, действовавшие на Курском направлении, получат столько оружия, военной техники, материальных средств, чтобы иметь возможность после решения задач оборонительной операции без продолжительной оперативной паузы перейти в контрнаступление. Предусматривалась возможность использования для отражения наступления противника и сил Степного фронта. Также не исключалась возможность участия в оборонительном сражении войск Брянского и Юго-Западного фронтов, если противник нанесет удары и в их полосах обороны. (С. Штеменко "Генеральный штаб в годы войны" М., 1975, с. 217).

По свидетельству командующего Степным фронтом Конева задача, стоявшая перед войсками фронта, была сформулирована Верховным Главнокомандующим следующим образом: "Видимо, предстоит очень крупное сражение, и Степному фронту предстоит в этом сражении сыграть большую роль. То есть, в случае, если противник прорвет нашу оборону, фронту необходимо будет создать ударную группировку, нанести мощный контрудар и разгромить наступающего противника, а затем перейти в контрнаступление. Готовя войска к этим активным действиям, необходимо сейчас привести всю полосу Степного фронта в оборонительное состояние... Сталин обратил мое внимание на то, что оба направления – и Орловское и Белгородское – будут одинаково важны" ("Знамя" № 12, 1987 г., с. 93).

Группировка советских войск, создававшаяся на Курском направлении, с самого начала нацеливалась не только на решение задач обороны, но и на переход в контрнаступление. К ведению оборонительной операции привлекались необычные по своей численности силы.

Таким образом, замысел Ставки ВГК на проведение оборонительной операции на Курской дуге имел ряд особенностей:

– она была преднамеренной и осуществлялась в условиях, когда Советская Армия обладала стратегической инициативой и общим превосходством в силах над противником;

– ставилась задача выбить из рук врага главный его козырь – массированный ввод в действие новейшей бронетанковой техники, сорвать наступление противника в тактической зоне обороны;

– инженерное оборудование местности и группировка войск должны были обеспечить стабильность стратегического фронта даже в случае прорыва танковых клиньев в район Курска. Войска Степного фронта надежно прикрывали Курско-Воронежское направление, выводящее к важнейшим промышленным центрам страны, в том числе к Московскому промышленному району с юга;

– заблаговременно создавались условия для перехода советских войск в контрнаступление без длительной оперативной паузы.

Уже в апреле, одновременно с разработкой плана оборонительной операции, Ставка ВГК проводила работу по планированию контрнаступления. Оборонительные и наступательные операции битвы под Курском были объединены единым замыслом: срыв наступления врага, ослабление его мощных танковых группировок, удержание инициативы, переход в контрнаступление и общее стратегическое наступление Советской Армии. Анализ обстановки указывал на ряд важных обстоятельств, которые было необходимо учесть при планировании контрнаступления.

Во-первых, контрнаступление предстояло осуществить одновременно на двух оперативных направлениях – Орловском и Белгородско-Харьковском – против компактных, насыщенных танками и артиллерией группировок врага, поддерживаемых мощными силами авиации. Эти силы сами готовились к наступлению с решительными целями.

Советское командование рассчитывало, что, хотя в ходе наступления на Курск ударные группировки врага понесут большие потери, их боевая мощь останется еще весьма значительной. Прогноз оказался правильным.

Во-вторых, учитывалось, что состав сил противника к лету 1943 года претерпел значительные изменения. Немецко-фашистское командование получило возможность массированно применять новые тяжелые танки и штурмовые орудия. Изменения произошли и в авиации.

В-третьих, советское командование имело в виду, что в ходе контрнаступления предстояло одолеть глубокоэшелонированную оборону, опирающуюся на развитую систему инженерных сооружений противника.

В-четвертых, растущая военная мощь Советского государства позволила использовать в контрнаступлении под Курском больше сил, чем в предшествовавших операциях. Если под Москвой и Сталинградом в контрнаступлении участвовало по три фронта, то под Курском его осуществляли силы пяти фронтов.

Планом контрнаступления предусматривалось проведение двух операций: Орловской и Белгородско-Харьковской. Для них выделялось максимально возможное количество сил и средств. Перед советскими войсками были поставлены цели разгромить вражеские группировки, насчитывавшие 25-30 дивизий, что должно было коренным образом изменить обстановку не только на данном стратегическом направлении, но и оказать влияние на ход борьбы на всем советско-германском фронте.

Верховный Главнокомандующий и Ставка ВГК исходили из того, что нанесением одного, даже очень сильного, удара нельзя достичь военно-политических целей кампании. Для этого требовалось, кроме главного, нанести еще ряд ударов, которые в совокупности смогли бы сокрушить значительную часть стратегического фронта противника. Планировалось провести крупные наступательные операции на западном и юго-западном направлениях, в Донбассе и на Северном Кавказе.

Контрнаступление под Курском должно было перерасти в общее стратегическое наступление советских войск на фронте в 2 тысячи километров – от Великих Лук до Новороссийска. В ходе его предполагалось нанести решительное поражение группам армий “Юг” и “Центр” противника, освободить Донбасс, Левобережную Украину, далеко отодвинуть фронт от Москвы, преодолеть важный стратеги-

ческий рубеж – реку Днепр, завершить освобождение Северного Кавказа, захватить плацдармы в Крыму.

Планирование контрнаступления на Орловском направлении осуществлялось еще до начала оборонительного сражения. Предполагалось, что положение в полосе Западного и Брянского фронтов останется без существенных изменений. Принципиальное решение о проведении контрнаступления на Белгородско-Харьковском направлении было принято также в мае. Однако полностью отработать план этого контрнаступления заранее не представлялось возможным. Находившимся в резерве Ставки войскам Степного фронта не могли быть поставлены конкретные задачи и указаны исходные районы для наступления.

Для контрнаступления на Орловском направлении Ставка ВГК выделила войска трех фронтов – левого крыла Западного, Брянского, правого крыла Центрального фронта. В основу плана операции “Кутузов” была положена идея расчленения вражеской группировки ударами по сходящимся направлениям на Орел с последующим ее уничтожением. Фронт врага в восточной части Орловского плацдарма предполагалось раздробить четырьмя мощными ударами, расстояние между которыми составляло 50–60 км. Нанесение ударов на разобщенных направлениях обусловило необходимость создания на каждом из них сильных группировок войск.

Следует отметить, что обстановка в районе Орловского плацдарма противника к лету 1943 года существенно отличалась от положения, сложившегося к началу контрнаступления советских войск под Сталинградом. Как отмечал участник битвы под Курском маршал Иван Христофорович Баграмян, это повлияло на выработку плана операции “Кутузов”. Он писал: “Под Сталинградом удар наносился по слабым флангам противника, а маневр на окружение осуществлялся по его тылам, куда он не мог перебросить резервы: их поглотили бои на улицах огромного города. В районе Орла обстановка сложилась совсем по-другому. Противник имел здесь прочную долговременную оборону и мощную группировку, которая сама готовилась наступать”. (И. Баграмян “Так шли мы к победе” М., 1977, с. 188).

Разрабатывая план операции “Кутузов”, Ставка ВГК отказалась от шаблонного решения, на которое наталкивало охватывающее начертание линии фронта – нанесение сходящихся ударов под основание Орловского выступа с целью окружения и ликвидации всей мощной группировки противника, опиравшейся на сильную оборону.

Подобные действия сковали бы значительную часть сил Красной Армии. Борьба могла принять затяжной характер, а это отодвигало бы начало общего стратегического наступления советских вооруженных сил, ограничило бы его размах и результаты, затрудняло развитие наступления на юго-западном стратегическом направлении, где планировалось нанести главный удар, и в конечном счете ставило под угрозу достижение целей всей летне-осенней кампании 1943 года. О трудностях уничтожения окруженной мощной группировки противника напоминал и опыт Сталинграда, когда ее ликвидация затянулась почти на два с половиной месяца и сковала силы целого фронта.

Решающее влияние на выработку плана контрнаступления советских войск в Курской битве оказала позиция, занятая Верховным Главнокомандующим. “Со времени Сталинграда, – отмечал Георгий Константино-

вич Жуков, – Сталин придерживался своего собственного подхода к проблемам окружения и уничтожения немецких войск. Ход Сталинградской операции запал ему в память, и он неоднократно возвращался к ее опыту... Не надо его окружать на нашей территории. Надо его вышибать. Гнать надо, скорей освобождать землю. Весной надо будет сеять, нужен будет хлеб. Надо уменьшить возможность разрушений, пусть уходит. Создайте ему такую обстановку, чтобы быстрее уходил. Надо поскорее выгнать его с нашей территории. Вот наша задача. А окружение будете проводить потом, на территории противника” (*“Военно-исторический журнал” № 10, 1987 г., с. 62).*

Согласно плану операции “Кутузов” войска Брянского фронта наносили два удара: первый, более мощный, из района Новосиль, по вершине Орловского выступа, охватывая Орел с юга; второй – из района северо-восточнее Волхова с целью совместно с войсками Западного фронта ликвидировать Болховскую группировку противника, а затем наступать на Орел с севера.

Войска левого крыла Западного фронта прорывали оборону противника юго-западнее Козельска, ликвидировали совместно с войсками правого крыла Брянского фронта Болховскую группировку противника и только после этого развивали удар на Хотынец с целью охватить Орловскую группировку врага с запада и совместно с войсками Брянского фронта уничтожить ее. Бывший командующий 11-й гвардейской армией маршал И. Х. Баграмян по этому поводу писал: “Задача 11-й теперь сводится к тому, чтобы, преодолев оборону противника на участке Глинная – Жукове, повернуть главные силы на юго-восток и наступать на Волхов, куда навстречу нам с северо-востока будут идти войска 61-й армии Брянского фронта. И уже после разгрома болховской группировки противника наша армия двинется на Хотынец” (*И. Баграмян “Так шли мы к победе” М., 1997, с. 190-191).*

Войскам правого крыла Центрального фронта, после отражения наступления противника и ликвидации его соединений, вклинившихся в расположение обороны, предстояло перейти в наступление в общем направлении на Кромь. К разработке плана Орловской операции штабы Западного, Брянского, Центрального фронтов приступили в апреле 1943 года. Военный совет Центрального фронта 25 апреля представил ее план в Генеральный штаб. (*ЦАМО РФ, ф. 62, оп. 321, д. 21, л. 1-11).*

Выход войск левого крыла Западного фронта в район Хотынца, главной группировки войск Брянского фронта в район Орла, войск правого крыла Центрального фронта в район северо-западнее Кромь рассекал группировку противника восточнее Орла на две части – северную и южную – и изолировал ее от немецких соединений, действовавших в западной части плацдарма. Кроме того, на более ранней стадии операции планировалось силами войск левого крыла Западного и правого крыла Брянского фронтов окружить и уничтожить болховскую группировку врага. Таким образом, намеченное направление ударов должно было в ходе контрнаступления привести к расчленению орловской группировки противника на три части. Этим создавались благоприятные условия для уничтожения ее в трех “котлах” – в районе Волхова, северо-восточнее и юго-восточнее Орла.

Внешний фронт окружения, при благоприятных обстоятельствах, мог быть создан за счет усиления в ходе контрнаступления войск левого крыла Западного фрон-

та. В его тылу Ставка сосредоточила крупные резервы – 11-я, 4-я танковая армия, 2-й гвардейский кавалерийский корпус. Созданию внешнего фронта окружения мог служить и переход в наступление войск левого крыла Центрального фронта.

Как отмечал А. М. Василевский: “Верховный Главнокомандующий придавал операции “Кутузов” важное значение. В середине мая он дал мне указание выехать на Брянский и левое крыло Западного фронта, чтобы на месте проверить, правильно ли понимают войска поставленные перед ними задачи и как идет подготовка к их выполнению” (А. Василевский “Дело всей жизни” М., 1973, с. 314).

Разработанный Ставкой ВГК план операции “Кутузов” учитывал особенности предстоявшей операции, в нем был успешно решен ряд сложных проблем, связанных с организацией контрнаступления против мощной группировки противника.

На всех важнейших этапах этой работы Сталину принадлежала решающая роль в принятии окончательных решений.

В ходе подготовки к летне-осенней кампании 1943 года Верховному Главнокомандующему, Ставке ВГК, Генеральному штабу необходимо было решить один из важнейших вопросов стратегии – выбор направления главного удара. Сущность проблемы сводилась к тому, чтобы путем разгрома мощных вражеских группировок добиться коренного изменения военно-политической обстановки на главном стратегическом направлении или на всем фронте. От выбора направления главного удара зависело решение не только крупнейших военных, но и политических задач.

Сведения о том, как решался вопрос о выборе направления главного удара, имеются в книге генерала армии Сергея Матвеевича Штеменко “Генеральный штаб в годы войны”. Он писал:

“Первоначально многих заинтересовало предложение командования Воронежского фронта: сосредоточить главные усилия южнее Курска и бить в направлении Харьков – Днепропетровск, стремясь овладеть крупным плацдармом на правом берегу Днепра с последующим выходом на рубеж Кременчуг – Кривой Рог – Херсон, а при благоприятных условиях – на меридиан Черкассы – Николаев. По мнению Военного совета фронта, именно здесь наступление позволяло “достичь решающих для исхода войны результатов”, Оно вывело бы из строя группу армий “Юг” – наиболее активную в то время силу немецко-фашистского командования, лишило бы противника богатейшей продовольственной базы и таких важных промышленных районов, как Донбасс, Криворожье, Харьков и Днепропетровск. Кроме того, мы приблизились бы к границам южных союзников гитлеровской Германии и тем ускорили бы выход последних из войны.

Удар на Харьков, Полтаву, Киев был, по мнению Генерального штаба, наиболее перспективным. Выход Советской Армии к столице Украины – важнейшему экономическому центру страны – давал большие стратегические результаты. При этом достигалось все, что сулило наступление в направлении Днепропетровска, и вдобавок еще расчленился фронт противника (особенно в случае выхода советских войск к Карпатам), затруднялось взаимодействие между важнейшими его группировками. Из района Киева в равной степени можно было угрожать флангам и тылу как группы армий “Юг”, так (что особенно важно!) и правому крылу группы

армий “Центр”. Наконец, при таком варианте мы приобретали выгодное положение для последующих действий. Он и был принят”. (С. Штеменко “Генеральный штаб в годы войны” М., 1975, с. 222-223).

Таким образом, план советского командования предусматривал нанесение главного удара на одном стратегическом направлении и проведение ряда последовательных операций, которые должны были вылиться в общее стратегическое наступление на большую глубину.

Последовательно и целеустремленно проведенная концентрация сил и средств до начала кампании на Курском направлении обеспечила советским войскам значительное превосходство над противником и решение задач обороны, контрнаступления, а затем наступления на Киевском направлении. Огромная заслуга в этом принадлежала лично Сталину.

Важное место в планах Ставки ВГК на летне-осеннюю кампанию 1943 года занимала проблема завоевания стратегического господства в воздухе. Перелом в борьбе за решение этой сложной задачи обозначился уже в битве под Сталинградом. К середине 1943 года было окончательно ликвидировано превосходство противника в авиации и созданы материально-технические предпосылки для нанесения поражения немецко-фашистской авиации.

Перед советскими военно-воздушными силами Ставкой ВГК была поставлена задача – нанести решительное поражение авиации противника и окончательно овладеть стратегическим господством в воздухе. В результате воздушных сражений над Кубанью и операций в апреле-июне советские ВВС нанесли серьезный урон авиационным группировкам вермахта.

На войска ПВО страны были возложены задачи – оборонять от ударов с воздуха крупные административно-политические центры СССР, а также промышленные районы и объекты, прикрывать войска действующей армии и защищать ее коммуникации, наращивать систему ПВО на театре военных действий в ходе стратегического наступления.

Военно-Морской Флот планировалось использовать для обеспечения приморских флангов советских войск, защиты своих коммуникаций и борьбы на морских сообщениях противника (“История второй мировой войны. 1939-1945” М., 1976, с. 119),

При планировании Курской битвы и непосредственно в ходе сражений советским командованием было внесено много нового в решение проблем оперативного искусства; организация обороны, способной противостоять массированным ударам танков и авиации противника и создать благоприятные условия для перехода в контрнаступление; ведение наступательных операций групп фронтов; решение задач организации оперативного взаимодействия разнородных сил и средств, привлекаемых в больших массах к участию в операциях, и ряд других. В этом также была немалая заслуга Верховного Главнокомандующего.

Стратегическое планирование Ставкой ВГК Курской битвы характеризовалось глубоким проникновением в замыслы противника, соответствием политическим целям и экономическим возможностям советского государства, своевременностью разработки плана, его реальностью, основанной на объективном учете возможностей своих и противника, скрытностью всех мероприятий, связанных с планированием и подготовкой военных действий.

Выработанный советским политическим и военным руководством план летне-осенней кампании 1943 года последовательно и твердо проводился в жизнь.

В Курской битве выстояли и победили войска, которыми командовали выдающиеся советские военачальники. Сталин доверил командование фронтами К. К. Рокоссовскому, Н. Ф. Ватутину, И. С. Коневу, В. Д. Соколовскому, М. М. Попову, лично подбирал или утверждал командующих армиями и дивизиями. Координацию действий фронтов осуществляли представители Ставки Г. К. Жуков и А. М. Василевский.

Даже беглое освещение проблем, над решением которых пришлось работать Верховному Главнокомандующему и Председателю Ставки Сталину при планировании летне-осенней кампании 1943 года и Курской битвы, показывает сложность и масштабность этого направления его деятельности, ту огромную ответственность, которую он нес за успех или провал этой работы перед страной, народом, историей. Это был лишь один из участков его полководческой деятельности.

Разгром немецко-фашистских войск на Курской дуге означал крах всей летней кампании фашистов. Сталин распорядился, чтобы Генштаб подготовил поздравительный приказ войскам, победившим противника в Курской битве. Когда дело дошло до вывода: “Таким образом, немецкий план летнего наступления нужно считать полностью провалившимся”, – Верховный Главнокомандующий, как вспоминает генерал С. М. Штеменко, продиктовал следующую вставку: “Тем самым разоблачена легенда о том, что немцы летом в наступлении всегда одерживают успехи, а советские войска вынуждены будто бы находиться в отступлении”. Надо об этом сказать, пояснил Сталин. Фашисты во главе с Геббельсом после зимнего поражения под Москвой все время носят с этой легендой (С. Штеменко “Генеральный штаб в годы войны” М., 1981, с. 447).

*Штеменко
Сергей Матвеевич*

Оценивая деятельность Сталина как Верховного Главнокомандующего и как политика, нельзя не отметить и такой факт, сыгравший важную роль в повышении боевого духа и наступательного порыва советских войск. В обстановке начавшегося массового изгнания фашистских оккупантов с советской земли Сталиным было принято решение отмечать победы Советских Вооруженных Сил на фронтах Великой Отечественной войны салютами в Москве.

Об обстоятельствах, сопутствовавших принятию этого решения, генерал армии Сергей Матвеевич Штеменко писал: “5 августа, когда были взяты Орел и Белгород, в Ставке возникла новая идея. Как только командующие фронтами доложили Верховному о взятии этих городов... генерала Антонова и меня вызвали в Ставку. Сталин только что вернулся с Калининского фронта. Собрались и все ос-

тальные члены Ставки.

– Читаете ли вы военную историю? – обратился Верховный к Антонову и ко мне.

Мы смешались, не зная, что ответить. Вопрос показался странным: до истории ли было нам тогда!

А Сталин меж тем продолжал:

– Если бы вы ее читали, то знали бы, что еще в древние времена, когда войска одерживали победы, то в честь полководцев и их войск гудели все колокола, и нам неплохо бы как-то отмечать победы более ощутимо, а не только поздравительными приказами. Мы думаем, – кивнул он головой на сидевших за столом членов Ставки, – давать в честь отличившихся войск и командиров, их возглавляющих, артиллерийские салюты. И учинить какую-то иллюминацию...

Так было решено отмечать победы наших войск торжественными залпами в Москве, и каждый залп сопровождался пуском разноцветных ракет, а перед тем передавать по всем радиостанциям Советского Союза приказ Верховного Главнокомандующего”. (С. Штеменко “Генеральный штаб в годы войны” М., 1981, с. 448-449).

Впервые артиллерийские залпы осветили небо Москвы 5 августа 1943 года в честь войск Брянского фронта, освободивших Орел, и войск Степного фронта, изгнавших немецко-фашистских захватчиков из Белгорода. Салюты проводились по приказам Верховного Главнокомандующего, в которых наряду с кратким изложением боевых подвигов войск перечислялись участвовавшие в боях соединения и части с указанием воинских званий и фамилий особо отличившихся командиров. Всему личному составу объявлялась благодарность от имени Верховного Главнокомандующего.

Приказы передавались центральной радиостанцией Москвы и транслировались всеми радиостанциями СССР. Вести о победных салютах доходили до самых отдаленных уголков великой страны, как символы героических подвигов ее сынов и дочерей. На фронте они воспринимались как высшая награда Родины. Они звали войска к совершению новых подвигов (“Военно-исторический журнал” № 8, 1978, с. 82).

Первый салют в столице нашей Родины означал нашу твердую уверенность в окончательной победе в ходе Отечественной войны,

С 5 августа 1943 года в Москве было произведено 363 торжественных артиллерийских салюта в честь советских войск, одержавших крупные победы на фронтах – освобождение столиц союзных республик и зарубежных государств, больших городов, важных железнодорожных узлов, форсирование стратегически значимых водных преград и т. д. По каждому из этих салютов Верховный Главнокомандующий издавал специальный приказ, в котором отмечались особо отличившиеся воинские части и соединения.

Иные недобросовестные авторы и эту славную традицию пытаются ошельмовать. Так, в оборот пущена ложь, что, мол, взятие иных городов и столиц было приурочено к той или иной дате, а поэтому не считались с жизнями солдат. При этом, естественно, упускается, что каждая такая наступательная операция тщательно готовилась, обеспечивалась всеми необходимыми видами боевой техники и т. д. Общий ход войны позволил к празднику взять только два из сотен освобожденных городов: 6 ноября 1943 года – Киев и 2 мая 1945 года – Берлин.

Что касается взятия Берлина, то дело обстояло так. В конце апреля 1945 года Советская Армия вела трудные и упорные бои за столицу фашистской Германии. Жуков доложил Сталину, что к 1 мая Берлин взять не удастся, нужна перегруппировка сил. «Я ожидал, – писал впоследствии Жуков, – от Сталина резких возражений, а Сталин ответил так: «Ну, ничего, впереди Первомай, это и так большой праздник, народ хорошо его встретит. А что касается того, возьмем ли Берлин 2 или 3 мая, это не имеет большого значения. Я с Вами согласен, надо жалеть людей, мы меньше потеряем солдат. Подготовьте лучше заключительный этап этой операции» (*«Правда» 26.04.1995 г.*).

Победы в Сталинградской и Курской битвах означали, что страна вышла из суровых испытаний начального периода войны и уверенно перешла в великое наступление. Изменился как сам ход войны, так и ее облик. «Если битва под Сталинградом предвещала закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила ее перед катастрофой», – отмечал Сталин в докладе о 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции 6 ноября 1943 года. (*И. Сталин «О Великой Отечественной войне Советского Союза» М., 1950, с. 205*).

Советскому Верховному Главнокомандованию удалось успешно решить не только задачу летне-осенней кампании 1943 года и Курской битвы, но и труднейшую проблему соотношения намеченных планов с имеющимися для их осуществления силами и средствами. В основном были безошибочно распределены силы, предназначенные для оборонительного сражения и контрнаступления, а также между фронтами и армиями, выделены необходимые силы и средства в стратегический резерв Верховного Главнокомандования. Была предусмотрена и возможность иметь необходимые силы и средства для перехода, после победы на Курской дуге, в общее стратегическое наступление по всему широкому фронту от Севера до Юга.

Сталин твердо придерживался принципа – выполнение плана зависит от искусства его исполнения. Он обладал даром умелого и энергичного решения огромного количества важнейших организационных вопросов, обеспечивающих успех военных кампаний и стратегических операций. В докладах, приказах и обращениях он ставил перед народом и армией задачи, соответствующие данной исторической обстановке.

В докладе «26-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции» 6 ноября 1943 года Сталин отмечал: «Мы добились коренного перелома в войне в пользу нашей страны, и война теперь идет к окончательной развязке. Но советским людям не пристало останавливаться на достигнутом, упиваться своими успехами. Победу можно упустить, если в наших рядах появится самоуспокоение. Победа не дается без борьбы и напряжения. Она берется с боя. Победа теперь близка, но чтобы ее завоевать, необходимо новое напряжение сил, самоотверженная работа всего тыла, умелые и решительные действия Красной Армии на фронте. Было бы преступлением перед Родиной, перед советскими людьми, временно подпавшими под фашистское ярмо, перед народами Европы, изнывающими под немецким игом, если бы мы не использовали всех возможностей для ускорения разгрома врага. Нельзя давать врагу передышки. Вот почему мы должны напрячь все наши силы, чтобы добить врага».

В приказе № 309 от 7 ноября 1943 года Верховный Главнокомандующий по-

требовал: “Всей Красной Армии – смело и решительно взламывать вражескую оборону, день и ночь преследовать врага, не давая ему закрепляться на промежуточных рубежах, умелым и смелым маневром резать коммуникации врага, окружать и дробить его войска, уничтожать и захватывать живую силу и технику противника”. (И. Сталин “О Великой Отечественной войне Советского Союза” М., 1950, с. 227-228, 238).

Ставка Верховного Главнокомандования для подготовки операций 1944 года умело использовала сложившуюся благоприятную стратегическую обстановку. “Ставка и Генеральный штаб, – пишет Г. К. Жуков, – подсчитали все наши возможности, сделали глубокий анализ состояния противника на всю стратегическую глубину фронта от Баренцева до Черного моря. Анализ показал, что перелом, достигнутый в ходе войны, открывает перед нами широкие перспективы.

Перевес в силах и средствах над врагом, наличие инициативы в руках Советских Вооруженных Сил, выгодное расположение войск, крупные людские и материальные резервы и другие благоприятные факторы позволили теперь по-новому решать стратегические задачи на советско-германском фронте. Героическая и бесперебойная работа советского тыла обеспечивала планомерное снабжение действующей армии всем необходимым. Теперь мы могли готовить и проводить крупные операции не на одном-двух направлениях, а последовательно на всем стратегическом фронте. В то же время способность противника парировать эти удары значительно сократилась”. (Г. Жуков “Воспоминания и размышления” М., 1990, т. 2, с. 93).

Возвратившись с Тегеранской конференции, Сталин сказал:

– Рузвельт дал твердое слово открыть широкие действия во Франции в 1944 году. Думаю, что он слово сдержит.

И после некоторого раздумья, продолжил:

– Ну, а если не сдержит, у нас хватит и своих сил добить гитлеровскую Германию.

Верховный Главнокомандующий поставил вопрос о новой форме проведения кампании 1944 года. В узком кругу лиц, собравшихся в кабинете Сталина, было обсуждено, где именно следовало сосредоточить силы и средства для нового поражения основных сил противника и окончательного разгрома фашистского блока. Таких районов на всем стратегическом фронте оказалось десять. В книге “Воспоминания и размышления” Г. К. Жуков назвал эти десять сталинских ударов по врагу – под Ленинградом и Новгородом, на Правобережной Украине, в районе Одессы и Крыма, на Карельском перешейке и в районе Ладожского и Онежского озер, в Белоруссии, в районе Львова и Кишинева – Ясс, в Прибалтике и Венгрии, на крайнем северном участке советско-германского фронта. В этих операциях участвовали войска всех 12 существовавших в то время фронтов, Северный, Балтийский и Черноморский флоты, а также ряд речных и озерных флотилий. Были разгромлены наиболее боеспособные силы немецко-фашистских войск.

От фашистских оккупантов были полностью освобождены Белоруссия и Украина, большая часть Литвы и ряд районов Латвии, значительная часть территории Польши и другие. Во время великого наступления 1944 года Сталин подчеркивал: “Но наши задачи не могут ограничиваться изгнанием вражеских войск из пределов нашей Родины. Немецкие войска напоминают теперь раненого зверя, который вынужден уползать к границам своей берлоги – Германии для того, чтобы зале-

чить раны. Но раненый зверь, ушедший в свою берлогу, не перестает быть опасным зверем, Чтобы избавить нашу страну и союзные с нами страны от опасности порабощения, нужно преследовать раненого немецкого зверя по пятам и добить его в его собственной берлоге. Преследуя же врага, мы должны вызволить из немецкой неволи наших братьев поляков, чехословаков и другие союзные с нами народы Западной Европы, находящиеся под пятой гитлеровской Германии” (И. Сталин “О Великой Отечественной войне Советского Союза” М., 1950, с. 262-263).

*Рокоссовский
Константин
Константинович*

О механизме выработки решений в Ставке, о решающей роли Сталина в планировании наступательных операций 1944 года дают представление воспоминания маршала Константина Константиновича Рокоссовского. Касаясь разработки плана Белорусской операции, он пишет: “Окончательный план наступления отработывался в Ставке 22 и 23 мая. Наши соображения о наступлении войск левого крыла фронта на Люблинском направлении были одобрены, а вот решение о двух ударах на правом крыле подверглось критике. Верховный Главнокомандующий и его заместители настаивали на том, чтобы нанести один главный удар – с плацдарма на Днестре (район Рогачева), находившегося в руках 3-й армии. Дважды мне предлагали выйти в соседнюю комнату, чтобы продумать предложение Ставки. После каждого такого “продумывания” приходилось с новой силой отстаивать свое решение. Убедившись, что я твердо настаиваю на нашей точке зрения, Сталин утвердил план операции в том виде, как мы его представили. “Настойчивость командующего фронтом, – сказал он, – доказывает, что организация наступления тщательно продумана. А это надежная гарантия успеха” (К. Рокоссовский “Солдатский долг” М., 1997, с. 313).

Этот эпизод весьма многозначителен. Ведь Рокоссовский не просто настаивал на своей точке зрения, а исходил еще и из особенностей характера местности предстоящих боев. Сталин показал и умение воспринять убедительную аргументацию, и понимание “чувства местности”, владение пространственным представлением.

Способность полководца “чувствовать” местность высоко ценил К. Клаузевиц. Он называл такую способность “самой яркой, если не самой важной чертой военной деятельности”. “Полководец, – писал Клаузевиц, – должен подняться до представления географических особенностей целой области и даже страны, всегда иметь перед мысленным взором направление дорог, течение рек, расположение горных цепей и, кроме того, обладать способностью детально понимать подробности местности. Хотя помощь общим представлениям он черпает из всякого рода сообщений, карт, книг, мемуаров, а в изучении деталей ему помогают окружающие, но, несомненно, что крупный талант быстрого и ясного охвата местности придает всем действиям полководца более легкий и уверенный ход, ограждает от известной внутренней беспомощности и делает его более независимым от других”.

(К. Клаузевиц “О войне” М., 1941, т.1, с. 77, 79).

Некоторые данные о роли Сталина в планировании и подготовке летней кампании 1944 года и Белорусской операции, о стиле его работы приводит в воспоминаниях маршал А. М. Василевский. Вот несколько фрагментов из них: “В течение марта и апреля замысел летней кампании неоднократно обсуждался и уточнялся у Верховного Главнокомандующего. Г. К. Жукова и меня несколько раз вызывали в Москву. Много раз Верховный Главнокомандующий говорил с нами об отдельных деталях по телефону. При этом Сталин нередко ссылался на свои переговоры по этим вопросам с командующими войсками фронтов, особенно с К. К. Рокоссовским... В начале апреля в одном из разговоров он сообщил мне, что склонен, вопреки возражениям командующего Ленинградским фронтом Л. А. Говорова, снова разделить этот фронт на два... Тогда же он поставил мне и другой вопрос, который обсуждался в Ставке, – о разделении Западного фронта...”

В первой половине апреля 1944 года Генеральный штаб с разрешения Верховного Главнокомандующего запросил мнение командующих соответствующими фронтами о летней кампании и проведении Белорусской операции... 20 мая разработанный Генштабом план Белорусской операции был представлен Верховному Главнокомандующему. Вскоре он был рассмотрен в Ставке с участием некоторых командующих и членов Военных советов фронтов. В ближайшие же дни Генштаб должен был представить уточненный план на окончательное утверждение в Ставке. Вместе с Г. К. Жуковым и А. И. Антоновым я неоднократно бывал в те дни у Верховного Главнокомандующего. Каждый раз во время этих встреч мы возвращались к обсуждению деталей плана и проведения Белорусской операции, получившей название “Багратион”...

30 мая Ставка окончательно утвердила план операции “Багратион”. Утверждая 30 мая план Белорусской операции, Сталин, как это было уже не раз, заявил, что ближайшая задача Ставки – помочь командованию и войскам фронтов лучше подготовиться и провести задуманную операцию, а ГКО и Генштаб обязаны принять меры к тому, чтобы своевременно и полностью обеспечить войска всем необходимым. Он предложил направить Г. К. Жукова и меня в Белоруссию в качестве представителей Ставки и спросил, на какие фронты мы хотели бы поехать... В ночь на 31 мая Сталин, Жуков, я и Антонов отработали в Ставке частные директивы фронтам белорусского направления, указания немедленно приступить к подготовке операции “Багратион” и конкретные задачи на первый этап ее проведения” (А. Василевский “Дело всей жизни” М., 1977, с. 418-422).

Во время одного из таких обсуждений, рассказывал Александр Михайлович Василевский одному из авторов книги, когда присутствовали Жуков и Антонов, Сталин заметил нам: а не предлагаете ли вы бить немцев тем же способом, каким пробовали прежде. Надо найти неожиданное для них решение всей операции. Тогда успех будет на нашей стороне. **Василевский подчеркнул, что неповторимость всей операции была выработана именно благодаря Сталину.**

Сталин был врагом шаблона. Он поощрял инициативу командующих как в процессе разработки планов кампаний и операций, так и в ходе боевых действий. Вместе с тем он строго и неуклонно требовал подчинения интересов фронта общей стратегической задаче вооруженной борь-

бы. В случаях нарушений следовало его немедленное вмешательство в действия командующего фронта или армии и принятие мер по исправлению положения. Управление войсками Сталин твердо держал в своих руках, Сталин широко использовал опыт и талант членов Ставки, командующих фронтами и армий, командно-начальствующего состава. “Понимая всю сложность и многогранность вопросов руководства войной, он, – писал о Сталине долгие годы работавший с ним маршал Устинов, – многое доверял членам Политбюро, ЦК, ГКО, руководителям наркоматов, сумел наладить безупречно четкую, согласованную, слаженную работу всех звеньев управления, добивался безусловного исполнения принятых решений. При всей своей властности, суровости, я бы сказал жесткости, он живо откликался на проявление разумной инициативы, самостоятельности, ценил независимость суждений. Обладая богатейшей, чрезвычайно цепкой и емкой памятью, Сталин в деталях помнил все, что было связано с обсуждением, и никаких отступлений от существа выработанных решений или оценок не допускал. Он поименно знал практически всех руководителей экономики и вооруженных сил, вплоть до директоров заводов и командиров дивизий, помнил наиболее существенные данные, характеризующие как их лично, так и положение дел на доверенных им участках. У него был аналитический ум, способный выкристаллизовать из огромной массы данных, сведений, фактов самое главное, существенное. Свои мысли и решения Сталин формулировал ясно, четко, лаконично, с неумолимой логикой. Лишних слов не любил и не говорил их”

(Д. Устинов “Во имя Победы” М., 1988, с. 90, 92).

Окончательные решения вырабатывались Ставкой коллективными усилиями, тщательно обсуждались, сопоставлялись различные варианты. Но руководящая, определяющая роль в окончательном принятии решений принадлежала Верховному Главнокомандующему.

На научно-практической конференции, проходившей в Москве в ноябре 1997 года, Маршал Советского Союза Дмитрий Тимофеевич Язов говорил: “Мне хотелось бы просить, чтобы товарищи, которые будут выступать, освещали бы роль Жукова как полководца, а роль Сталина и как полководца и как руководителя великого государства... Жуков сказал: “Неплохо было бы подавать по левому берегу Волги резервы, боеприпасы и войска...” Но Жуков не мог принять решение снять рельсы с БАМа, который еще строился до войны, и проложить по левому берегу Волги двухсоткилометровую железную дорогу за несколько недель... Подчеркиваю: не месяцев, а недель! Кто мог это сделать? Сталин! Кто мог приказать в течение тридцати дней прокатать броню в Кузбассе? Сталин!.. И прокатали! И промышленность наша дала в войну 96 тысяч танков, 108 тысяч самолетов” (*“Завтра” № 50, 1997 г.*)

Может возникнуть вопрос; если все решения принимались с одобрения Сталина, значит, и все ошибки и недостатки в их реализации надо отнести за счет Сталина. Далеко нет. Нелишне привести по этому поводу признание в прошлом наркома авиационной промышленности СССР Александра Ивановича Шахурина, сделан-

ное им в конце жизни: “Все на Сталина нельзя валить! За что-то должен и министр отвечать... Вот я, допустим, что-то неправильно сделал в авиации, так я за это и какую-то ответственность обязательно несу. А то все на Сталина!...”. (*“Дуэль” № 14, 1998 г.*).

В годы Отечественной войны советский народ и его армия видели в Сталине общепризнанного полководца – организатора победы над фашистской Германией и ее союзниками.

Подчеркивая всенародный характер Отечественной войны, Сталин отмечал огромное значение дружбы народов, советского патриотизма, силу которых непременно испытает на себе агрессор. “В советском патриотизме, – заключал он, – гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза”. (*И. Сталин “О Великой Отечественной войне Советского Союза” М., 1950, с. 160-161*).

Разрабатываемая и осуществляемая партией политика и практические меры правительства, направленные на разгром гитлеровской Германии, в своем абсолютном большинстве поддерживались всеми народами СССР.

Сталину принадлежит выдающаяся роль в организации партизанского движения в годы Отечественной войны. Он рассматривал развертывание вооруженной борьбы советских людей на временно оккупированной немецкими захватчиками советской территории как одно из важнейших условий достижения победы над фашистской Германией. И прилагал огромные усилия, чтобы партизанское движение приняло максимально широкий, всенародный характер. Уже выступая по радио 3 июля 1941 года, Сталин призвал: “В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов и обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия” Важнейшие вопросы борьбы в тылу врага были сформулированы в приказе наркома обороны от 5 сентября 1942 года “О задачах партизанского движения”. В 1943 году Сталин призывал партизан помогать всеми силами, всеми средствами наступающей Красной Армии. (*И. Сталин “О Великой Отечественной войне Советского Союза”, М., 1950, с. 27*).

ЦК ВКП(б) обязал ЦК компартий республик, краевые, областные и районные партийные комитеты возглавить организации партизанской борьбы. Для координации боевой деятельности партизан и организации их взаимодействия с советскими войсками создавались специальные органы. 30 мая 1942 года при Ставке Верховного Главнокомандования был создан Центральный штаб партизанского движения, который возглавил П. К. Пономаренко. “По опыту своей работы в Генеральном штабе, – вспоминал А. М. Василевский, – я могу с полным основанием утверждать, что партизанское движение и борьба в тылу врага играли роль важного фактора в общих стратегических планах и расчетах Верховного Главнокомандования и принимались во внимание при разработке крупных наступательных операций, проводившихся на советской территории”. (*“Коммунист” № 8, 1970, с. 112*).

Жизнь и борьба советского народа, поднявшегося на защиту своего Отечества, были пронизаны чувством лютой ненависти к фашистскому агрессору. И это чувство становилось сильнее и тогда, когда враг продвигался в глубь страны, и тогда, когда война приближалась к логову фашизма. Вместе с тем эта волна ненависти не захватила советский народ, не захватила Советскую Армию, не превратилась в слепую месть.

Еще в начале войны Сталин отметил: "...Было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское – остается". (И. Сталин "О Великой Отечественной войне Советского Союза" М., 1950, с. 83-84).

Вступив на территорию гитлеровской Германии, Красная Армия не допустила тотального мщения немецкому народу, А когда стали появляться факты мародерства, убийства, изнасилования и др., они были быстро и жестко пресечены. Директивой Верховного Главнокомандующего командующим фронтами и армиями предписывалось под их личную ответственность покончить с любыми бесчинствами, кем бы они ни творились и какими бы мотивами они ни объяснялись, 14 апреля 1945 года в газете "Правда" была опубликована статья начальника Управления пропаганды ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрова "Товарищ Эренбург упрощает", в которой известный писатель, много сделавший для разъяснения целей и характера Отечественной войны, был подвергнут резкой критике за изображение немцев как "единой колоссальной шайки". Политическое руководство страны продемонстрировало всему миру, что советский народ не может и не намерен мстить немецкому народу, который сам пострадал от гитлеровского фашизма. В этом сила советского интернационализма, советского гуманизма.

В ходе завершающего этапа Отечественной войны – решение крайне сложных и чрезвычайно трудных стратегических задач, последовательный, раз за разом прорыв мощной обороны врага – во всю силу проявилось военное мастерство Красной Армии, массовый героизм ее воинов.

И все это было совершено тогда, когда вермахт еще опирался на ресурсы не только Германии, но и части европейских стран. К тому же фашистская Германия продолжала эксплуатировать такой немаловажный фактор, как затяжку правительствами Англии и США открытия второго фронта. Да и после вторжения англо-американских войск в июне 1944 года на северо-западе Франции гитлеровское командование основные свои силы держало на советско-германском фронте, стремясь остановить наступление Красной Армии на Берлин.

Захват столиц неприятеля всегда считался завершением войны и показателем высокого совершенства разработки наступательной операции и мужества армии. Взятие Берлина – логова фашизма – было новым делом в истории всех войн. Берлинская операция Красной Армии выделялась и по размаху наступления на огромном театре военных действий, и по взаимодействию трех фронтов – 2-го Белорусского, 1-го Белорусского и 1-го Украинского, различных родов и видов войск, частей военно-морского флота, а также войск польской армии, и по окружению и одновременному рассечению крупных сил противника, и по умению ведения боевых действий в многонаселенном городе, и по срокам проведения самой операции, с 16

апреля по 8 мая 1945 года.

Берлинская операция была одной из наиболее эффективных стратегических операций Красной Армии. “Осмысливая теперь события тех дней, – писал маршал И. С. Конев, – я прихожу к выводу, что в Берлинской операции наиболее ярко проявилась организующая и направляющая роль Ставки Верховного Главнокомандования и Генерального штаба

Сталин внимательно выслушал соображения командующих фронтами, учитывая предложения Генштаба, определил главный замысел Берлинской операции, после чего поставил ясные оперативные задачи фронтам. На основе этих указаний командующие разработали планы операций, которые были рассмотрены и утверждены Ставкой, Верховный Главнокомандующий с присущей ему твердостью руководил Берлинской операцией, внимательно следил за ее развитием, лично координировал действия 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, оказывал необходимую поддержку”. (И. Конев “Записки командующего фронтом” М., 1981, с.501).

2 мая 1945 года советские войска полностью овладели столицей фашистской Германии – Берлином, 8 мая представителями германского верховного командования в Берлине был подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил.

Как известно, гитлеровской Германии, имевшей в 1941 году огромный военно-экономический потенциал и превосходство в силах, так и не удалось тогда окружить и уничтожить советские войска под Москвой и овладеть столицей СССР. С 30 сентября по 4 декабря 1941 года Красная Армия сдерживала мощный натиск фашистских войск, срывала их попытки прорваться на ближние подступы к Москве. А, обескровив ударные группировки противника и создав необходимые условия для их разгрома, 5 декабря 1941 года сама перешла в решительное контрнаступление по широкому фронту. Войскам немецко-фашистской группы армии “Центр” был нанесен тяжелый урон, и они были отброшены на запад от Москвы на 100-250 и более километров.

Разгром Красной Армией в наступательных операциях стратегической обороны фашистской Германии, вступление наших победоносных армий в поверженный Берлин наглядно продемонстрировали эффективность политической и военной стратегии Советского Союза, высшие достижения советского военного искусства, блестящие образцы руководства вооруженной борьбой Верховного Главнокомандования, всех командных инстанций Красной Армии, их неоспоримое превосходство над военным искусством вермахта и его союзников, их командных кадров. Советское политическое руководство, военное командование через все испытания почти четырехлетней войны привели наш народ к Великой Победе.

Подытоживая опыт Великой Отечественной войны Советского Союза против фашистской Германии, 11 апреля 1947 года на совещании с Булганиным, Василевским, Антоновым и Штеменко Сталин говорил: “Нельзя отождествлять военную науку с военным искусством. Военная наука – понятие широкое и всеобъемлющее, военная наука включает в себя и военное искусство, последнее является одной из составных частей военной науки.

Военное искусство включает в себя тактику, оперативное искусство и стратегию, т. е. занимается изучением вопросов, относящихся к способам ведения воен-

ных действий и войны в целом. Военная наука кроме вопросов, входящих в военное искусство, исследует вопросы экономики страны, ее материальные и людские ресурсы... Только при условии знания и правильного использования всех указанных выше отраслей военной науки можно рассчитывать на достижение победы в войне...

Бывшие руководители фашистской Германии не знали военной науки и не умели управлять экономикой страны. Они, эти руководители, и в частности, Геринг, не учитывали возможностей страны, ставили ей невыполнимые задачи, и это являлось одной из важнейших причин поражения немцев в войне”.

Адмирал флота Николай Герасимович Кузнецов, который, как известно, отличался твердостью и самостоятельностью суждений и у которого сложились непростые и нелегкие отношения со Сталиным, уже, будучи в отставке, писал: “За годы Великой Отечественной войны по военным делам с Верховным Главнокомандующим чаще других встречался маршал Г. К. Жуков, и лучше едва ли кто может охарактеризовать его, а он назвал его “достойным Верховным Главнокомандующим”. С этим мнением, насколько мне известно, согласны все военачальники, коим приходилось видеться и встречаться со Сталиным” (*“Военно-исторический журнал” № 5, 1993 г., с. 3, 51*).

Сталин был в прямом смысле слова Верховным Главнокомандующим, и каждый из маршалов и военачальников воспринимал это в должной мере. Известна его требовательность к военным руководителям самого высокого ранга. Для него не имели значения былые заслуги или близкое знакомство. Главным было отношение к делу, к возложенным обязанностям. Сталин непосредственно работал со всеми командующими фронтами, а также командармами, лично знал многих военачальников, вплоть до командиров корпусов и дивизий.

Остановимся несколько подробнее на взаимоотношениях Сталина с маршалами и крупными военачальниками. Это тем более необходимо сделать, ибо здесь хоть отбавляй ненужных наслоений и откровенных измышлений.

Уже с февраля 1941 года Сталин стал вплотную работать с Жуковым, только что назначенным на должность начальника Генерального штаба. За всю войну Жуков был единственным заместителем Верховного Главнокомандующего. Верховный Главнокомандующий, заместитель верховного и начальник Генштаба решали вопросы руководства ходом войны, обсуждали оперативно-стратегические возможности наших войск. Естественно, Жуков часто встречался со Сталиным. В большинстве случаев это были официальные встречи, но были и приглашения на обед к Сталину и совместные прогулки, во время которых он рассказывал о своем детстве, разных событиях своей жизни.

“Что касается отношений Верховного с Георгием Константиновичем, то эти отношения, – признавал главный маршал авиации А. Е. Голованов, – я бы назвал сложными. Имел Верховный претензии и по стилю работы Г. К. Жукова, которые, не стесняясь, ему и высказывал. Однако Сталин никогда не отождествлял личных отношений с деловыми, и это видно хотя бы по всем тем наградам и отличиям, которые получены Г. К. Жуковым” (*“Полководцы” М., 1995 г., с. 21*).

Сталин, по словам К. Симонова, был удивлен, что в романе Э. Казакевича “Весна

на Одере” отсутствует даже упоминание о Жукове и на заседании комиссии по присуждению Сталинских премий заметил: “Не все там верно изображено: показан Рокоссовский, показан Конев, но главным фронтом там, на Одере, командовал Жуков. У Жукова есть недостатки, некоторые его свойства не любили на фронте, но надо сказать, что он воевал лучше Конева и не хуже Рокоссовского”. (К. Симонов “Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине” М., 1988, с. 198).

Г. К. Жуков не раз подчеркивал, что “Сталин нигде не сказал про меня ни одного плохого слова”, что “попробуй меня кто-нибудь при нем обидь – Сталин за меня голову оторвет”. “И я, – отмечал Г. К. Жуков, – был, конечно, благодарен ему за такую объективность”, Жуков говорил, что “Сталин уважал мою военную голову, а я ценил его государственный разум”.

Жуков твердо заявлял, что Сталин владел “основными принципами организации фронтовых операций и операций групп фронтов и руководил ими со знанием дела, Эти способности И. В. Сталина как Верховного Главнокомандующего особенно раскрылись начиная со Сталинградской битвы.

Получившая распространение версия о том, что Верховный Главнокомандующий изучал обстановку и принимал решения по глобусу, не соответствует действительности. Конечно, он не работал с картами тактического предназначения, да это ему и не нужно было. Но в оперативных картах с нанесенной на них обстановкой он разбирался неплохо.

В руководстве вооруженной борьбой в целом Сталину помогали его природный ум, опыт политического руководства, богатая интуиция, широкая осведомленность. Он умел найти главное звено в стратегической обстановке и, ухватившись за него, наметить пути для оказания противодействия врагу, успешного проведения той или иной наступательной операции. Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим”. (Г. Жуков “Воспоминания и размышления” М., 1990, т.2, с. 108-109).

Жуков подчеркивал, что в обеспечении операций, создании стратегических резервов, в организации производства боевой техники и вообще всего необходимого для фронта Сталин проявил себя выдающимся организатором. И будет несправедливо, если не отдать ему за это должное.

Еще и сейчас, а особенно во время празднования 50-летия Великой Победы в Отечественной войне, Жуков противопоставлялся и противопоставляется Сталину. Утверждалось и утверждается, что Победа достигнута лишь благодаря Жукову, его воле и полководческому искусству, вопреки Сталину и даже при его противодействии Жукову. Однако во имя исторической правды нет никакой необходимости сталкивать и тем более противопоставлять эти две выдающиеся личности. Сталин был величайшим государственным, политическим и военным руководителем, международным деятелем, возглавлял воюющую державу, превратил страну в единый сражающийся фронт и тыл, осуществлял стратегическое и в целом общее руководство Красной Армией. Жуков был выдающимся полководцем, первым среди прославленных маршалов, одним из организаторов крупнейших стратегических операций Красной Армии от битвы за Москву до завершающей Берлинской операции.

Жуков сам был против противопоставления его Сталину. На пресс-конференции 9 июня 1945 года в Берлине для советских и иностранных корреспондентов коррес-

пондент “Таймс” Р. Паркер спросил Г. К. Жукова:

– Принимал ли маршал Сталин повседневное деятельное участие в операциях, которые вы возглавляли? Г. К. Жуков ответил достойно:

– Маршал Сталин деятельно и повседневно руководил всеми участками советско-германского фронта, в том числе и тем участком, на котором я находился.

В статье “Величие победы СССР и бессилие фальсификаторов истории”, опубликованной в журнале “Коммунист” (1970, № 1) Г. К. Жуков дал резкую отповедь американскому публицисту и историку Г. Солсбери за то, что тот “с легкостью необыкновенной сталкивает Жукова со Сталиным, с другими советскими маршалами, с подчиненными и т. д., лишь бы обосновать свою концепцию решающей роли “сильной личности”... Упражняться в водевилях на историческом материале, связанном с героизмом, кровью, жертвами и подвигом народа, гнусно и пошло”.

Великую Отечественную войну Г. К. Жуков закончил трижды Героем Советского Союза (четвертой Золотой Звездой Героя Советского Союза награжден в 1956 г.), удостоенным двух высших военных орденов “Победа”, ордена Суворова 1 степени за № 1. Его личность стала в народе легендарной.

Сталин высоко ценил твердый характер и волю Жукова, его военное мастерство, проявленные при обороне Ленинграда, в битве за Москву, в Сталинградском сражении и боях на Курской дуге, в Белорусской операции и при штурме Берлина. Заместителю Верховного Главнокомандующего Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову от имени и по поручению Советского Верховного Главнокомандования было поручено 8 мая 1945 года принять безоговорочную капитуляцию вооруженных сил фашистской Германии в Карлсхорсте (Берлин). Г. К. Жуков принимал Парад Победы 24 июня 1945 года в Москве на Красной площади в ознаменование Победы Советского Союза над фашистской Германией в Великой Отечественной войне. После Победы Г. К. Жуков был первым главнокомандующим Группой советских войск в Германии и главнокомандующим Советской военной администрации и одновременно главнокомандующим Сухопутными войсками и заместителем министра Вооруженных Сил СССР. Недруги пытаются изобразить дело таким образом, будто Сталин в 1946 году решил избавиться от Жукова, поскольку-де видел в нем “соперника” себе как полководцу Отечественной войны. Но с должности главнокомандующего Сухопутными войсками Жуков был освобожден по собственной просьбе. По предложению Сталина на XIX партсъезде Г. К. Жуков был избран членом Центрального Комитета партии.

С чувством особого уважения Сталин относился к А. М. Василевскому, высоко ценил его талант военачальника крупного масштаба и глубокого военного мыслителя. Василевский не ошибался в оценках оперативно-стратегической обстановки. О большом авторитете Василевского у Верховного Главнокомандующего свидетельствуют многочисленные факты. Так, когда кто-либо из командующих фронтами обращался с предложением в Ставку, Сталин обычно спрашивал:

– А вы советовались по этому вопросу с товарищем Василевским?

И если следовал положительный ответ, предложение принималось к рассмотрению в Ставке. При решении вопроса Сталин полагался на мнение Василевского. В тех же случаях, когда Сталин не соглашался с мнением и доводами Василевского, последний умел с достоинством и вескими аргументами убедить Верховного

Главнокомандующего, что в такой-то конкретной обстановке иного решения, чем предлагает он, принимать не следует.

Сталин посылал Василевского в качестве представителя Ставки на ответственные участки советско-германского фронта. И тогда, когда на фронте возникала критическая ситуация, и тогда, когда готовилась крупномасштабная стратегическая операция, посылал одного или вместе с Жуковым. Полководческая зрелость Василевского особенно проявилась во время Сталинградской битвы. Красная Армия еще вела оборонительные бои, а Василевский на совещании в Ставке предложил замысел контрнаступления, с тем, чтобы зажать немецко-фашистскую группировку в тисках окружения. Его поддержал Жуков. Верховный Главнокомандующий спросил:

– А под силу ли столь серьезная операция? Хорошенько подумайте над возможностью проведения такой операции.

План операции, получившей кодовое название “Уран”, был разработан, а затем утвержден Верховным Главнокомандующим. Находясь в Сталинграде, Василевский принимал смелые и обоснованные решения по окружению и уничтожению противника.

В 1943 году Василевский как представитель Ставки осуществлял взаимодействие между Воронежским и Степным фронтами в Курской битве. “12 апреля вечером в Ставке, – вспоминал впоследствии Александр Михайлович, – состоялось совещание, на котором присутствовали И.В. Сталин, прибывший с Воронежского фронта Г. К. Жуков, я и заместитель начальника Генерального штаба А. И. Антонов. Было принято предварительное решение о преднамеренной обороне. Сталина беспокоило, и он не скрывал этого, выдержат ли наши войска удар крупных масс фашистских танков. Однако шел уже не 1941 год. Красная Армия закалилась в сражениях, приобрела огромный боевой опыт, имела отличное вооружение и прекрасную боевую технику. Теперь уже фашисты боялись нас. И колебания были отброшены”. (А. Василевский “Дело всей жизни” М, 1975, с. 333).

И на фронте, и по возвращении в Генштаб Василевский целиком был поглощен работой. У него практически не оставалось времени для сна. Наблюдая это, Верховный Главнокомандующий стал даже иногда проверять, спит ли Александр Михайлович в отведенное для этого время. А когда Василевский свою усталость уже не мог скрывать, Сталин отдал распоряжение, чтобы Александра Михайловича поместили на ночь в санаторий “Архангельское” и обеспечили ему надлежащий отдых.

Однажды Александр Михайлович, не без некоторого смущения, поведал одному из авторов книги о таком состоявшемся между Сталиным и им разговоре. Закончив деловой разбор положения дел на фронте, Иосиф Виссарионович попросил его задержаться и внезапно спросил:

– Как вы материально помогаете родителям? Ведь, насколько мне известно, – продолжал Сталин, – один ваш брат – врач, другой – агроном, третий – командир, летчик, да и вы человек обеспеченный, могли бы помогать родителям. Тогда бы ваш отец бросил свою церковь, которая в его возрасте нужна ему для существования.

Александр Михайлович сказал, что он откровенно сознался Сталину, что со

священником-отцом давно, года с 1926, утратил всякую связь.

– Так вы со священником дело не имеете, – с лукавинкой заметил Сталин. – А как же вы имеете дело со мной? Ведь я учился в семинарии и хотел пойти в попы.

– Вы, товарищ Сталин, Верховный Главнокомандующий, – ответил Александр Михайлович.

Уже серьезно Сталин сказал:

– Вот что. Советую вам установить связь с родителями и оказывать им систематическую материальную помощь, Поезжайте к ним. Несколько дней вам хватит?

На возражение Василевского – время военное и уехать никак нельзя – Сталин спокойно произнес:

– А мы вас заменим на несколько дней.

Побывав у родителей, Александр Михайлович узнал, что его отец Михаил Александрович регулярно получает денежные переводы и убежден, что их посылает ему именно он, Александр, а не другие сыновья, ибо сумма всегда довольно значительная. Кто посылает эти переводы – стало загадкой и для Александра Михайловича. И только по возвращении в Москву все прояснилось. Деньги священнику М. А. Василевскому регулярно посылал лично Сталин

Свой рассказ Александр Михайлович заключил так. Прибыв, он сразу же доложил И.В. Сталину, что наладил отношения с отцом.

– Это вы правильно сделали, – ответил Сталин. Затем Иосиф Виссарионович достал из сейфа пачку квитанций почтовых переводов. И, передавая их, произнес: “Но со мной вы теперь долго не расплатитесь”.

Сталин высоко ставил полководческий талант Василевского. На заключительном этапе Отечественной войны А. М. Василевский был назначен командующим 3-м Белорусским фронтом, руководил штурмом Кенигсберга. Здесь он был тяжело контужен. На заключительном этапе второй мировой войны А. М. Василевский участвовал в разработке плана кампании на Дальнем Востоке. Под руководством Главнокомандующего Советскими войсками на Дальнем Востоке Маршала Советского Союза А. М. Василевского была разгромлена японская Квантунская армия.

Рассказывая о Генеральном штабе в воспоминаниях “Дело всей жизни”, А. М. Василевский специально рассмотрел деятельность Сталина как Верховного Главнокомандующего. Вот несколько характерных оценок.

“По моему глубокому убеждению, Сталин, особенно со второй половины Великой Отечественной войны, являлся самой сильной и колоритной фигурой стратегического командования. Он успешно осуществлял руководство фронтами, всеми военными усилиями страны на основе линии партии и был способен оказывать значительное влияние на руководящих политических и военных деятелей союзных стран по войне. Работать с ним было интересно и вместе с тем невероятно трудно, особенно в первый период войны. Он остался в моей памяти суровым, волевым военным руководителем, вместе с тем не лишенным и личного обаяния.

Думаю, Сталин в период стратегического наступления Советских Вооруженных Сил проявил все основные качества советского полководца. Он умело руково-

дил действиями фронтов, и все советское военное искусство за годы войны показало силу, творческий характер, было значительно выше, чем военное искусство хваленной на Западе немецко-фашистской военной школы...

Иосиф Виссарионович Сталин прочно вошел в военную историю. Его несомненная заслуга в том, что под его непосредственным руководством как Верховного Главнокомандующего советские вооруженные силы выстояли в оборонительных кампаниях и блестяще провели все наступательные операции. Но он, насколько я мог его наблюдать, никогда не говорил о своих заслугах". (А. Василевский "Дело все жизни" М., 1975, с. 541, 544, 551).

И еще один весьма важный штрих к характеристике А. М. Василевского. На Александра Михайловича большое впечатление производило завещание академика Ивана Петровича Павлова молодежи. И Василевский задумал вместе с Георгием Константиновичем Жуковым рассказать молодежи, как они, два Маршала Советского Союза, воспринимают и оценивают Великую Отечественную войну, оставить свое напутствие молодым людям, идущим служить в Советскую Армию, готовящимся к защите своей Родины. К огорчению, Георгия Константиновича вскоре не стало. Однако Александр Михайлович, будучи сам в то время тяжело больным, все же написал такую брошюру страниц на сто машинописного текста. Как человек дисциплинированный, он передал рукопись в Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота. Однако некий военный чиновник бросил упрек маршалу, что он слишком часто упоминает фамилию Сталина, иногда заменяя только на "Верховный Главнокомандующий", Обычно сдержанный, на этот раз Александр Михайлович с присущей ему прямоотой и даже резко ответил: "А что, полковник, разве вы в годы Отечественной войны были рядом с И. В. Сталиным, знаете, что он нам говорил, как нами руководил, что и как мы совместно обсуждали! И кто вам дал право диктовать, сколько раз можно упоминать фамилию Сталина! Я честно излагаю события и факты. Как было, именно так и должно быть запечатлено!"

В итоге брошюра, а по существу книга, не увидела свет. После кончины Александра Михайловича ее не удалось издать и жене Екатерине Васильевне. Где-то теперь эта рукопись Маршала Советского Союза Александра Михайловича Василевского?

По наблюдениям Г. К. Жукова, из командующих фронтами Сталин больше всего ценил Маршалов Советского Союза К. К. Рокоссовского, Л. А. Говорова, И. С. Конева и генерала армии П. Ф. Ватутина. Упоминание о "командире Р." и его войсках широко звучало во время битвы за Москву. А 20 октября в сводке Совинформбюро было напечатано полностью: "Бойцы командира товарища Рокоссовского, отражая яростные атаки немцев, сожгли 60 танков..." В центральных газетах напечатана фотография молодого красивого генерала. Как мы уже писали, в его армию приезжал Сталин.

Полководческий талант К. К. Рокоссовского ярко проявился во время командования (с 1942 года) Брянским, Донским и Центральным фронтами. Рокоссовский по ВЧ обратился к Верховному Главнокомандующему с обоснованным предложением, что ликвидацию окруженной группировки войск Паулюса надо поручить одному фронту. Сталин переспросил:

– Одному?

Рокоссовский убежденно повторил:

– Одному фронту. Конечно, надо будет его соответственно усилить.

В Государственном Комитете Обороны состоялось обсуждение плана предстоящих военных действий. Сталин спросил:

– Так кому поручим окончательную ликвидацию противника?

Дело в том, что на выполнение этой важной и почетной задачи были два претендента: командующий Донским фронтом К. К. Рокоссовский и командующий Сталинградским фронтом А. И. Еременко.

– Рокоссовскому, – раздались голоса.

Только Жуков сидел молча, листая какие-то бумаги. Сталин это заметил и с раздражением посмотрел на своего заместителя,

– Вы, почему молчите, товарищ Жуков?

Жукову выбирать было особенно трудно. Много лет он знал и Рокоссовского и Еременко, понимал, что и тот и другой заслужили почетное право добить окруженную группировку врага. И он выбрал:

– Рокоссовскому!

Улыбка тронула усы на хмуром лице Сталина.

– Так и решим! Пусть Рокоссовский добивает Паулюса. Такое решение было на пользу дела, обеспечивало быстрое завершение Сталинградской операции (*“Полководцы” М. 1995, с. 291*).

Сталин любил Константина Константиновича Рокоссовского, называл его “мой Багратион”. И Белорусская операция 1944 года получила кодовое название “Операция Багратион” в честь не только П. И. Багратиона выдающегося полководца освободительной войны 1812 года, боевого сподвижника генерал-фельдмаршала М. И. Кутузова, но и в честь К. К. Рокоссовского. Сталин ценил Рокоссовского за то, что он первым перешел в контрнаступление под Москвой, что под его руководством была блестяще завершена Сталинградская битва окружением и разгромом крупнейшей немецкой группировки войск во главе с одним из признанных германских полководцев фельдмаршалом Паулюсом, за то, что Константин Константинович внес решающий вклад в разгром фашистов на Курской дуге, осуществил Белорусскую операцию, вместе с Жуковым и Коневым победоносно закончил штурм Берлина. Сталин поручил Маршалу Советского Союза К. К. Рокоссовскому командовать Парадом Победы на Красной площади в 1945 году.

Вспоминая о Иосифе Виссарионовиче Сталине К. К. Рокоссовский в книге “Солдатский долг” писал: “...Дежурный доложил, что командарма вызывает Сталин”.

Противник в то время потеснил опять наши части. Незначительно потеснил, но все же... Словом, идя к аппарату, я представлял под впечатлением разговора с Жуковым, какие же громы ожидают меня сейчас. Во всяком случае, приготовился к худшему.

Взял трубку и доложил о себе. В ответ услышал спокойный, ровный голос Верховного Главнокомандующего. Он спросил, какая сейчас обстановка на Истринском рубеже. Докладывая об этом, я сразу же пытался сказать о намеченных мерах противодействия. Но Сталин мягко остановил, сказав, что о моих мероприятиях говорить не надо. Тем подчеркивалось доверие к командарму. В заключение

разговора Сталин спросил, тяжело ли нам. Получив утвердительный ответ, он с пониманием сказал:

– Прошу продержаться еще некоторое время, мы вам поможем...

Нужно ли добавлять, что такое внимание Верховного Главнокомандующего означало очень многое для тех, кому оно уделялось. А теплый, отеческий тон подбадривал, укреплял уверенность. Не говорю уже, что к утру прибыла в армию и обещанная помощь – полк “катюш”, два противотанковых полка, четыре роты с противотанковыми ружьями и три батальона танков, да еще Сталин прислал свыше двух тысяч москвичей на пополнение. А нам тогда даже самое небольшое пополнение было до крайности необходимо...

В Ставке я был тепло принят Верховным Главнокомандующим. Он в общих чертах познакомил меня с положением на Воронежском направлении, а после этого сказал, что если у меня имеются на примете дельные работники, то он поможет мне их заполучить для укомплектования штаба и управления Брянского фронта. В то время часть войск и аппарата управления Брянского фронта передавалась новому Воронежскому фронту, который должен был встать между Брянским и Юго-Западным. Я назвал М. С. Малинина, В. Л. Казакова, Г. Н. Орла и И. Я. Максименко.

Сталин тут же отдал командующему Западным фронтом распоряжение откомандировать этих товарищей. Он пожелал мне успеха на новой должности, велел не задерживаться долго в Генеральном штабе, а быстрее отправляться на место, потому что обстановка под Воронежем сложилась весьма серьезная...

В марте Верховный Главнокомандующий пригласил меня к аппарату ВЧ и в общих чертах ориентировал относительно планируемой крупной операции и той роли, которую предстояло играть в ней 1-му Белорусскому фронту. Затем Сталин поинтересовался моим мнением. При разработке операций он и раньше прибегал к таким вот беседам с командующими фронтами. Для нас – сужу по себе – это имело большое значение.

Уже был вечер. Только мы собрались в столовой поужинать, дежурный офицер доложил, что Ставка вызывает меня к ВЧ. У аппарата был Верховный Главнокомандующий. Он сказал, что я назначаюсь командующим войсками 2-го Белорусского фронта. Это было столь неожиданно, что я сгоряча тут же спросил:

– За что такая немилость, что меня с главного направления переводят на второстепенный участок?

Сталин ответил, что я ошибаюсь: тот участок, на который меня переводят, входит в общее западное направление, на котором будут действовать войска трех фронтов – 2-го Белорусского, 1-го Белорусского и 1-го Украинского, успех этой решающей операции будет зависеть от тесного взаимодействия этих фронтов, поэтому на подбор командующих Ставка обратила особое внимание.

Касаясь моего перевода, Сталин сказал, что на 1-й Белорусский назначен Г. К. Жуков.

– Как вы смотрите на эту кандидатуру?

Я ответил, что кандидатура вполне достойная, что, по-моему, Верховный Главнокомандующий выбирает себе заместителя из числа наиболее способных и достойных генералов, каким и является Жуков. Сталин сказал, что доволен таким

ответом, и затем в теплом тоне сообщил, что на 2-й Белорусский фронт возлагается очень ответственная задача, фронт будет усилен дополнительными соединениями и средствами.

– Если не продвинетесь Вы и Конев, то никуда не продвинется и Жуков, – заключил Верховный Главнокомандующий.

Заканчивая разговор, Сталин заявил, что не будет возражать, если я возьму с собой на новое место тех работников штаба и управления, с которыми сработался за долгое время войны. Поблагодарив за заботу, я сказал, что надеюсь и на новом месте встретить способных сотрудников и хороших товарищей. Сталин ответил коротко:

– Вот за это благодарю!

Этот разговор по ВЧ происходил примерно 12 ноября, а на другой день я выехал к месту нового назначения”. (К. Рокоссовский “Солдатский долг” М., 1980, с. 90,124,248,266-287).

Константина Константиновича Рокоссовского после Сталинградской битвы Сталин, как и Бориса Михайловича Шапошникова, называл только по имени и отчеству.

Рассказывают, что на одном из приемов после окончания войны Сталин спросил Рокоссовского:

– Вы не обижаетесь, что были репрессированы и немалое время провели в заключении?

Константин Константинович спокойно и просто ответил:

– Я веры в партию не потерял. Время было такое. Длительное время в ходу легенда, будто после войны Сталин пытался избавиться от Рокоссовского, как человека имевшего огромный авторитет в стране и армии. А поэтому-де направил его в 1949 году в Польшу. Но известна беседа перед этим Сталина с Рокоссовским. Обращаясь к Константину Константиновичу с большой личной просьбой, Сталин говорил:

– Обстановка такова, что нужно, чтобы Вы возглавили армию народной Польши. Все советские звания остаются за вами, а там вы станете министром обороны, заместителем председателя Совета Министров, членом Политбюро и маршалом Польши. Я бы очень хотел, Константин Константинович, чтобы Вы согласились, иначе мы можем потерять Польшу. Наладите дело – вернетесь на свое место. Ваш кабинет в Москве всегда будет Вашим!

Семь лет К. К. Рокоссовский возглавлял армию народной Польши как министр национальной обороны Польской Народной Республики и Главнокомандующий Войска Польского. Ему было присвоено звание Маршала Польши. Он стал членом Политбюро и заместителем предсовмина ПНР. А когда в 1956 году вернулся в Советский Союз, был назначен заместителем министра обороны СССР.

После выступления с докладом о культе личности Хрущев попросил Рокоссовского написать, что-нибудь, да почерней о Сталине. Константин Константинович без дипломатии ответил:

– Никита Сергеевич, товарищ Сталин для меня святой!

Большое уважение Сталин испытывал к Борису Михайловичу Шапошникову, называл его только по имени и отчеству. Он был знаком с его фундаментальным трехтомным трудом “Мозг армии”, другими работами. 7 мая 1940 года Б. М. Шапошникову было присвоено высшее воинское звание – Маршал Советского Союза. Также менее чем за год до начала Великой Отечественной войны, он назначается заместителем народного комиссара обороны страны.

На следующий день после начала войны, 23 июня 1941 года, Б. М. Шапошников постановлением Совнаркома СССР и ЦК партии включается в состав организованного при Ставке института постоянных советников. 30 июля 1941 года по предложению Сталина был назначен начальником Генерального штаба, членом Ставки Верховного Главнокомандования.

Зная дело Генштаба до тонкостей, Шапошников быстро провел ряд организационных мероприятий, способствовавших улучшению работы этого главного рабочего органа Ставки Верховного Главнокомандования. Борис Михайлович Шапошников непосредственно участвовал в разработке в 1941 году плана Смоленского сражения, контрнаступления и общего наступления Красной Армии зимой 1941-1942 годов.

Маршал А. М. Василевский, долго работавший вместе с Борисом Михайловичем, писал уже после войны: “Во время поездок с Шапошниковым в Кремль я имел возможность воочию убедиться, каким высоким уважением пользовался Борис Михайлович у Сталина. Работая в непосредственном контакте с Верховным Главнокомандующим, Шапошников представлял подготовленную Генштабом информацию, высказывал аргументированные предложения, на основе которых Ставка давала затем директивы. Сталин всегда с большим вниманием прислушивался к рекомендациям и мнению Бориса Михайловича. Это, конечно, отнюдь не означало, что Верховный Главнокомандующий всякий раз соглашался с ними. Как мне кажется, Сталин особенно ценил Шапошникова за то, что тот никогда не приспособливал свое суждение по решаемому вопросу к мнению, которое уже складывалось в Ставке. Он умел с достоинством отстаивать свои суждения, если был убежден в их правильности,

*Шапошников
Борис Михайлович*

Но Сталин знал и другое: если решение принято, Шапошников будет проводить его в жизнь со всей присущей ему энергией вне зависимости от того, совпало оно с его собственной точкой зрения или нет. Личный авторитет Шапошникова, безусловно, благотворно сказывался на процессе превращения Генерального штаба в надежный рабочий орган Ставки Верховного Главнокомандования. По мере того как разворачивались события, Сталин все больше стал придерживаться правила – принимать всякое ответственное решение по военному вопросу лишь после предварительного доклада начальника Генерального штаба”. (*“Полководцы и военачальники Великой Отечественной” М., 1979, с. 62-63*).

За годы войны Сталин вместе с Шапошниковым подписал немало оперативных документов командующим фронтами и армиями.

Маршал Шапошников был крупнейшим военным теоретиком. И когда по состоянию здоровья ушел из Генштаба, его назначили начальником Военной академии Генерального штаба. Сталин по-прежнему часто звонил ему, приглашал на заседания Государственного Комитета Обороны и Ставки.

Б. М. Шапошникову не пришлось дожить до дня Великой Победы. В день похорон на Красной площади в Москве, 28 марта 1945 года, прозвучал приказ Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза И. Сталина:

“...Армия и флот Советского Союза склоняют свои боевые знамена перед гробом Шапошникова и отдают честь одному из выдающихся полководцев Красной Армии.

Приказываю:

В час погребения Маршала Советского Союза Шапошникова отдать умершему последнюю воинскую почесть и произвести в столице нашей Родины Москве салют в двадцать четыре залпа из ста двадцати четырех орудий”.

С большим вниманием, пишет Жуков в книге “Воспоминания и размышления”, относился Верховный Главнокомандующий к мнению Алексея Иннокентьевича Антонова, даже тогда, когда он не являлся членом Ставки, а временно исполнял должность начальника Генерального штаба.

Генерал-лейтенант А. И. Антонов работу в Генеральном штабе начал в 1942 году с должности первого заместителя начальника Генштаба и начальника Оперативного управления. Это был человек высокой штабной культуры и организованности. С 1943 года большинство директивных документов подписывались Сталиным вместе с генералом армии А. И. Антоновым или одним Антоновым от имени и по поручению Сталина и Ставки. Он докладывал Верховному Главнокомандующему о положении на фронтах. Его не раз направляли в войска. Он непосредственно участвовал в разработке важнейших операций Красной Армии, в том числе Берлинской и Пражской.

Алексей Иннокентьевич Антонов немало сделал по организационному совершенствованию работы Генштаба на новом победоносном этапе войны. С февраля 1945 года А. И. Антонов занимал пост начальника Генерального штаба, входил в состав Ставки Верховного Главнокомандования. Он единственный генерал армии, удостоенный высшего ордена “Победа”. Антонов участвовал в Крымской и Берлинской конференциях союзных держав.

Государственное и военное руководство Стали-

*Антонов
Алексей Иннокентьевич*

на, считал А. И. Антонов, – одна из важных составных побед Красной Армии в Отечественной войне.

Хорошее мнение у Сталина сложилось о командующем авиацией дальнего действия, Главном маршале авиации Александре Евгеньевиче Голованове. Дивизия под его командованием и при личном участии бомбила Берлин, Кенигсберг, Данциг и другие стратегические объекты. Соединения авиации дальнего действия поддерживали наземные войска под Сталинградом, Курском и Берлином, помогали нашим и югославским партизанам. “Начиная с того момента, как я, – пишет А. Е. Голованов, – вступил в командование 81-й дивизией в августе 1941 года, в дальнейшем преобразованной в 3-ю авиационную дивизию Дальнего действия Ставки Верховного Главнокомандования, а в дальнейшем став командующим АДД, кроме лично Сталина никто не руководил ни моей деятельностью, ни деятельностью указанных мной соединений и рода войск...”

Могу сказать одно, что за все время моего общения с Сталиным я не имел основания утверждать или с чьих-либо слов предполагать, что отношение Верховного к другим военачальникам как-либо разнилось с отношением ко мне. Отношение его к людям соответствовало, если можно так сказать, их труду, их отношению к порученному им делу. Каково было отношение товарищей к порученной им работе, таково было и отношение к ним Сталина...

Длительное время работали с ним те, кто безусловно, а может быть, правильнее сказать, безупречно знали свое дело, умели его организовать и умели им руководить. Способных и умных людей он уважал, подчас не обращая внимания на серьезные недостатки в личных качествах человека, но, прямо скажу, бесцеремонно вмешивался в дело, если оно шло не так, как он считал нужным, уже не считаясь с тем, кто его проводит, и, не стесняясь, выражал со всей полнотой и ясностью свое мнение. Однако этим дело и кончалось, и работа шла своим чередом. Если же он убеждался в неспособности человека, время на разговоры с ним он не тратил, освобождая от непосильной для него, с его точки зрения, должности. Удельный вес Сталина в ходе Великой Отечественной войны был предельно высок как среди руководящих лиц Красной Армии, так и среди всех солдат и офицеров вооруженных сил. Это неоспоримый факт, противопоставить которому никто ничего не может”. (*“Полководцы” М., 1995, с. 25-27*).

В книге “Воспоминания и размышления” Г. К. Жуков отмечает, что Верховный Главнокомандующий из командующих армиями выделял А. А. Гречко и К. С. Москаленко, ставших после войны Маршалами Советского Союза, маршалов бронетанковых войск И. С. Рыбалко и И. А. Ротмистрова, генерала армии Д. Д. Лелюшенко и генерала армии И. И. Федюнинского. Из начальников штабов фронтов отличал В. Д. Соколовского и М. В. Захарова, ставших также после войны маршалами Советского Союза, и генерала армии М. С. Калинина. Хорошего мнения был о командующем артиллерией Красной Армии Главном маршале артиллерии Н. Н. Воронове. Из военно-морских начальников ценил адмирала флота Советского Союза И. С. Исакова. По-доброму отзывался о генерале армии А. В. Хрулеве. “Невозможно перечислить всех тех, кто пользовался доверием Сталина. “Скажу, –

пишет Г. К. Жуков, – только одно: он хорошо знал их лично, ценил за знания и преданность делу и, когда возникала особо ответственная задача, в первую очередь поручал ее решение этим людям”. (Г. Жуков “Воспоминания и размышления” М., 1990, т. 2, с. 113).

Однако тема “Сталин и маршалы и известные военачальники” недобросовестными историками и публицистами извращается до сих пор. Одни пишут, что маршалы и военачальники учили Сталина “азбучным истинам оперативного искусства и стратегии” (Д. А. Волкогонов), другие утверждают, что Сталин постоянно поучал военачальников и устраивал им разносы, а то и откровенно, мол, сталкивал между собой, обычно ссылаясь на подготовку и ход боев за Берлин. Подобным авторам полезно напомнить высказывание маршала Жукова: “Мне трудно, да в этом нет надобности, особенно выделять кого-либо из участников Берлинской операции – этой величайшей финальной битвы конца второй мировой войны. Каждый советский воин дрался и выполнял порученную ему задачу с максимальным напряжением своих сил и возможностей.

Разгром противника в операции, сражении или в бою – дело всего коллектива, общее дело. Тот, кто пытается возвыситься над коллективом, или тот, кто хочет кого-либо возвысить, поступает фальшиво”. (Г. Жуков “Воспоминания и размышления” М., 1990, т. 3, с. 290).

Обо всем этом надо сказать, чтобы не принижалась полководческая деятельность И. В. Сталина.

В ознаменование победоносного завершения Великой Отечественной войны советского народа, увенчавшейся полным разгромом гитлеровской Германии, 9 мая 1945 года было объявлено днем всенародного торжества – Праздником Победы. По радио с обращением к народу выступил Сталин. Он говорил:

“Товарищи! Соотечественники и соотечественницы!

Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию...

Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом...

С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!” (И. Сталин “О Великой Отечественной войне Советского Союза” М., с. 192-194).

24 мая 1945 года Правительство Союза ССР устроило в Кремле прием в честь командующих войсками Красной Армии, На приеме выступил с речью Сталин. Он подчеркнул заслуги советского народа в Отечественной войне, и, прежде всего русского народа как наиболее выдающейся нации из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

В конце мая 1945 года по предложению Сталина в ознаменование Победы над фашистской Германией было решено провести в Москве Парад Победы, пригласить наиболее отличившихся героев-солдат, сержантов, старшин, офицеров и генералов. “Эту идею, – вспоминал Г. К. Жуков, – все горячо поддержали, тут же

*Константин Константинович Рокоссовский(слева)
и Георгий Константинович Жуков*

внося ряд практических предложений... Кажется, 18-19 июня, меня вызвал к себе на дачу Верховный. Он спросил, не разучился ли я ездить на коне?

– Нет, не разучился.

– Вот что, вам придется принимать Парад Победы. Командовать парадом будет Рокоссовский. Я ответил: Спасибо за такую честь, но не лучше ли парад принимать Вам? Вы – Верховный Главнокомандующий, по праву и обязанности следует вам принимать парад.

Сталин сказал:

– Я уже стар принимать парады. Принимайте Вы, Вы помоложе”. (В. Аллилуев “Хроника одной семьи: Аллилуевы – Сталин” М., 1995, с. 193-194).

Об этом же рассказывает и К.К. Рокоссовский. “Когда вся подготовительная работа была проведена, созвали совещание, на которое пригласили командующих фронтами, был доложен ритуал парада. Остался открытым один вопрос: кто будет принимать Парад Победы и кто будет им командовать?

Один за другим выступали маршалы и единодушно предлагали.

– Парад Победы должен принимать товарищ Сталин. Сталин, по своему обыкновению, ходил по кабинету, слушал выступающих, хмурился. Подошел к столу.

– Принимающий Парад Победы должен выехать на Красную Площадь на коне. А я стар, чтобы на коне ездить.

Мы все горячо стали возражать.

– Почему обязательно на коне? Президент США Рузвельт – тоже верховный главнокомандующий, а на машине парады принимал.

Сталин усмехнулся.

– Рузвельт – другое дело, у него ноги парализованы были, а у меня, слава Богу, здоровые. Традиция у нас такая: на коне на Красную площадь надо выезжать.– И еще раз подчеркнул: – Традиция!

После паузы посмотрел на меня и на Жукова и сказал:

– Есть у нас два маршала-кавалериста – Жуков и Рокоссовский. Вот пусть один командует Парадом Победы, а другой Парад Победы принимает”. (*“Полководцы” М., 1995, с. 305-306*).

По приказу Верховного Главнокомандующего Сталина 24 июня 1945 года в Москве на Красной площади состоялся парад войск Действующей армии, Военно-Морского Флота и Московского гарнизона – Парад Победы. На Красную площадь Советская Армия принесла знамена разбитых и уничтоженных ею немецко-фашистских армий и дивизий. Эти вражеские знамена были брошены к ногам победившего советского народа, к подножию ленинского Мавзолея.

В 1945 году по предложению Политбюро ЦК ВКП(б) Сталину в ознаменование исключительных заслуг в Великой Отечественной войне было присвоено звание Генералиссимуса Советского Союза. Он был награжден вторым орденом “Победа” и ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Вопрос о присвоении звания генералиссимуса обсуждался несколько раз, и каждый раз Сталин убеждал этого не делать. И только после вмешательства Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского дал свое согласие, когда последний заявил: “Товарищ Сталин, вы маршал и я маршал, вы меня наказать не сможете!”

Убедили Сталина и взять второй орден “Победа”. От звания Героя Советского Союза Сталин решительно отказался. “Я не подхожу под статус Героя Советского Союза, – сказал он.– Я не совершал никакого подвига”. Правда, художники рисовали Сталина с двумя звездами – Героя Социалистического Труда и Героя Советского Союза. Сама же Золотая Звезда Героя хранилась в Наградном отделе Президиума Верховного Совета СССР. И была только на подушечке, когда Сталин лежал на смертном одре.

Что же касается звания Героя Социалистического Труда, которое ему было присвоено в день 60-летия со дня рождения, то Золотую звезду к свежевыглаженному кителю прикрепила дочь Светлана, А поскольку на Востоке существует обычай, если сделала женщина, то так тому и быть, Сталин эту Золотую звезду не снимал до самых последних дней жизни.

В честь Победы советского народа и его армии над фашистской Германией было решено в берлинском Трептов-парке воздвигнуть скульптурный ансамбль-памятник. Постановлением советского правительства художественным руководителем памятника-ансамбля был утвержден скульптор Е. В. Вучетич, прошедший в годы Отечественной войны путь от воина-добровольца до командира батальона. Евгений Викторович рассказывал, что в августе 1945 года К. Е. Ворошилов порекомендовал ему:

– Недавно Потсдамскую декларацию победителей от имени советского народа подписал товарищ Сталин. Значит, в центре ансамбля-памятника должен быть

он во весь рост из бронзы, с изображением Европы или глобусным полушарием в руках.

Вучетич сделал соответствующий эскиз, Однако подготовил еще один – “Воин-освободитель”, вдохновленный рассказом о советском солдате, спасшем, рискуя жизнью, немецкую девочку во время штурма Берлина. Оба эскиза выставили для обзора в одном из залов Московского Кремля. Посмотреть работу скульптора пришло много народа. Все столпились около полутораметровой скульптурной фигуры генералиссимуса и громко высказывали свое одобрение. Фигуру солдата с девочкой будто не замечали. Появился Сталин. Не торопясь, прошел вокруг эскизов, повернувшись к скульптору, спросил:

– Слушайте, Вучетич, вам не надоел этот... с усами? – Он нацелился мундштуком трубки в лицо полутораметровой фигуры.

– Это пока эскиз, – попытался кто-то заступиться за скульптора,

– Автор был контужен на фронте, но не лишен языка, – прервал Сталин и устремил взгляд на фигуру под целлофаном. – А это что?

– Это тоже эскиз, – ответил Вучетич.

– Также и... кажется, не то же, – заметил Сталин. – Покажите...

Вучетич снял целлофан с фигуры солдата. Сталин скупо улыбнулся и сказал:

– Вот этого солдата мы и поставим в центре Берлина на высоком могильном холме... Пусть этот великан в бронзе, победитель несет на своей груди девочку – светлые надежды народа, освобожденного от фашизма.

Потом добавил:

– Только знаете, Вучетич, автомат в руке солдата надо заменить чем-то другим. Автомат – утилитарный предмет нашего времени, а памятник будет стоять в веках, Дайте ему в руку что-то более символичное. Ну, скажем, меч. Увесистый, солидный. Этим мечом солдат разрушил фашистскую свастику. Меч опущен, но горе будет тому, кто вынудит богатыря поднять этот меч... Согласны?..

– Дайте подумать, – ответил Вучетич.

– Думать никому не запрещено. Думайте. Желаю успеха... Возражений не слышу. Да и нет в них нужды...

Сталин крепко пожал Вучетичу руку.

Так был сооружен широко известный тридцатиметровый бронзовый воин-освободитель в плащ-палатке, с непокрытой головой, стоящий в полный рост и попирающий сапогом поверженную и разбитую свастику, левой рукой поддерживающий прижавшуюся к его груди девочку, а в опущенной правой руке держащий тяжелый меч.

“Памятник воинам Советской Армии, павшим в боях с фашизмом” был открыт 8 мая 1949 года. Между прочим, еще в 1937 году Гитлер хотел здесь, в Трептов-парке, соорудить памятник, прославляющий его эпоху. Венчать ансамбль должен был дворец победы. Тысячи обработанных элементов, некогда предназначавшиеся для нацистского памятника, пошли на отделку памятника-ансамбля воинам Советской Армии” (*“Красная звезда” 12.01.1999 г.*)

Интересна история работы над этим величественным памятником и связь с

нашей Курганской землей. Известные ныне всему миру скульптор Евгений Викторович Вучетич искал солдата-натуру, с которого задумал воссоздать образ воина-освободителя для памятника в Трептов-парке. В день физкультурника он был на Берлинском стадионе, где шли соревнования по легкой атлетике среди воинов советской армии, и обратил внимание на парня, что третьим пришел в забеге на дистанции в тысячу метров. Это был десантник из Магнитогорска Иван Степанович Одарченко.

Был жаркий полдень. Переодевшись в солдатскую форму, Иван подошел к группе однополчан, с которыми воевал в последний год войны в 9-й гвардейской воздушно-десантной армии. После назначений по разным комендатурам Берлина они потеряли друг друга из виду. А тут встретились, оживленно шутили, радовались миру, жизни, пригожему летнему дню, молодости. Одарченко заметил, что какой-то человек в штатском внимательно рассматривает его, несколько раз как бы случайно прошел мимо, потом пригласил:

– Пойдемте со мной.

С трибуны, на которой находились гости праздника, им что-то кричали. Незнакомец, уловив вопрос генерал-майора А. Г. Котикова, радостно ответил:

– Нашел, нашел. И теперь не отпущу.– Повернулся к Одарченко:–Скульптор Вучетич. Будем вместе работать.

Наверное, на выбор Вучетича повлияли и факты биографии самого скульптора: на Макеевке работал он в молодости откатчиком, крепильщиком, машинистом динамо-машины. В армию ушел добровольцем, солдатом. И за два года дослужился до командира батальона. Тяжело контужен. Словом, натуру искал он под стать себе, близкого по духу человека. И внешне должен был быть воин россиянином, с мужественным, очень одухотворенным лицом, с гордой славянской статью. Таким увиделся Евгению Викторовичу Иван Одарченко. Трехлетняя Света, дочь коменданта Берлина генерал-майора А. Г. Котикова, позировала скульптору, когда создавал он образ девчушки, что, выхваченную из огня, крепко прижал к себе солдат.

А меч в руках солдата – точная копия со скульптуры солдата и рабочего, ассоциирующей единство армии и народа, фронта и тыла.

Существуют разные толкования скульптуры. Мне приходилось слышать, что-де памятник поставлен конкретному солдату, спасшему во время боя немецкого ребенка. Таких эпизодов действительно во время ожесточенных уличных сражений было немало. Советские солдаты не одной жизнью расплатились тогда, щадя от, казалось бы, неминуемой гибели берлинских детей. И один такой случай произошел неподалеку от Трептова: старший сержант Трифон Андреевич Лукьянович заслонил собой от пуль эсэсовцев немецкую девочку. Теперь у моста Эльзенбрюке по дороге к Трептов-парку о мужестве и гуманизме советского воина рассказывает мемориальная плита.

Но монумент Вучетича-не о том. По словам людей, хорошо знавших скульптора, Евгений Викторович даже гневался, когда слышал такое узкое объяснение. Его скульптура-обобщенный образ советского солдата, спасшего Европу от фашистской чумы.

Выступая 8 мая 1949 года на открытии мемориала в Трептов-парке, Отто Гротеволь, будущий премьер-министр ГДР, так и сказал:

“Мы никогда не забудем подвига Советской Армии, спасшей народ от ужасов фашизма. Мы будем неустанно повторять нашим детям, что своей жизнью они обязаны великому Советскому Союзу!”.

Одарченко Иван Степанович со своей матерью у памятника воину-победителю в Трепов-парке Берлина

Через 22 года редакция берлинской вечерней газеты “Ам Абенд” пригласили мать Одарченко Дарью Дементьевну в Берлин. Приехала она вместе с Иваном Степановичем. Русская мать, вдова, работница, крестьянка стала гостьей города, куда берлинцы и люди со всего мира приезжают посмотреть на ее Ваню, поклониться памяти русских солдат, подобно ее мужу и старшему сыну, навсегда оставшимся на войне. Газета ежедневно информировала жителей Берлина о пребывании Дарьи Дементьевны в их городе. Читая эти

материалы, рассматривая фоторепортажи, поражаешься душевной открытости, мудрости этой мало учившейся, много работавшей простой русской женщины.

В одном из номеров-целая полоса была посвящена ей: “Мать”, напечатан и ее большой портрет. Дарья Дементьевна много выступала. Пригласили ее и на встречу с женщинами, чьи мужья и сыновья тоже погибли во второй мировой войне. И хоть сражались ее Степан Михайлович и Петр по другую сторону баррикад, чем родные этих женщин, все прекрасно поняли боль друг друга, и чувства всех присутствующих, как писала газета, Дарья Дементьевна выразила очень точно: “Пусть ни когда дочери не переживут того, что выпало на нашу долю, пусть никогда не повторятся фашизм и война!”.

Недавно уменьшенные копии этих скульптур я увидел в доме-музее нашего славного земляка Терентия Семеновича Мальцева. Первую привез сюда и подарил первому хлеборобу России сам Иван Степанович Одарченко, побывавший в 1985 году в Мальцево. Вторую – подарили Терентию Семеновичу Мальцеву металлурги Магнитки в знак признательности за хлеб, что давали фронту в годы войны труженики Курганской области. Недаром ведь говорят, что без ломтя хлеба – ни один винтик не завернется.

Вот как выглядит эта экспозиция в Мальцевском музее.

